

1997

12 января 1997 года

Все, кто движется по дороге Москва-Минск (железной и шоссейной), будьте психологически готовы открыть свои чемоданы и сумки для досмотра смоленскому милиционеру. Приготовьте документы, удостоверяющие вашу личность и поклажу.

С 1 января 1997 года граница Российской Федерации перестала быть "прозрачной", "братской", "условной", помпезно якобы ликвидированной Черномырдиным и Лукашенко летом 1996 года. На протяжении более 400 километров установлена пограничная полоса, ее ширина пять километров, что соответствует закону РФ о госгранице и что выдает инициатора нововведения.

Контроль на границе в одностороннем порядке ввела Россия. Это вызвало замешательство в Белоруссии. Лукашенковские газеты переполнены обидой на "господина Чубайса", подрывающего "славянское братство." Между тем, этот недружественный господин вовсе не дурак, коль занялся границей.

Контрабандная водка, широкой незримой трубой переливаемая из Белоруссии в Россию, подрывает бюджет последней. Ельцин выказал раздражение, понимаешь! Белорусская сметана, равно как колбаса, масло, хлеб, майонез, тоннами ввозимые в Москву, Смоленск, Ленинград, Псков и прочие населенные пункты России, наводят панику на российских производителей и продавцов продовольствия, грозят им крахом. В ужас приводят россиян транзитные наркотики из Белоруссии, поступающие через Украину из Средней Азии.

Не может не быть нормальной границы между странами с разным уровнем экономик, с асинхронным политическим устройством, с

противоположной социально-экономической ориентацией. Если ее нет, если ее по-детски "сносят" — быть конфликту, ибо одна из пограничных сторон будет в выигрыше, а другая в проигрыше.

Прагматичную Москву понять умом все-таки можно, а придуривающийся то братом, то кашпировским Минск — ну никак нельзя.

Вот клялся в очередном сеансе телегипноза Лукашенко "держат" цены на продовольствие, не допускать падения уровня жизни народа "ниже колена", а в то самое время разорялись колхозы, фермеры, мясокомбинаты, производящие себе в убыток дешевую продукцию, и она вывозилась в Россию, где продавалась дороже, и замечалась на белорусских прилавках реже и реже, а перед Новым годом и вовсе исчезла.

Здравый современник, возможно, полагает, что президент решил заинтересовать производителя, то есть заплатить ему больше, то есть раскрепостить цену? Отнюдь, как говорят в Москве. Белорусский президент орудует своим методом. Во-первых, начал опять "перетрахивать кадры" ("перетрахивать", как выражаются в Минске, из так называемой "тросянки", чудовищной помеси русской лексики и белорусской фонетики). Президент стряхнул несколько высокопоставленных госторговцев продовольствием. Во-вторых, пообещал народу "изыскать" недостающие "мясо и яйцо", а к ним шампанское, так как приближался Новый год.

Новогодний мешок президента, претендующего на роль всепогодного Деда-Мороза, оказался тощим. В Новый год Беларусь вошла с новыми ценами на продукты питания, они выше почти вдвое. Ничего съедобного не изыскав, погубив в деревне поголовье скота, вытолкнув остатки колбасы в Россию, президент забрал у народа последние деньги.

Чтобы скрыть поражение хозяина, подручные СМИ вопят о "кознях Москвы на границе дружбы". Зато не распространяются о белорусском

нововведении на шоссейной дороге Брест-граница РФ. Теперь дорога платна для россиян, для белорусов — по-прежнему бесплатна. Разве это справедливо, славяне, разве по-братски?

19 января 1997 года

Вокруг Лукашенко разворачивается интересное любовное действо. В морозные дни января к нему одновременно вспыхнули вниманием Ельцин и Кучма.

Лукашенко умело играет чувствами соперников. Получив послание Ельцина об объединительном референдуме в Белоруссии и России, Лукашенко не стал, как ожидалось, выражать восторги по случаю скорого осуществления своей заветной мечты, а лишь скупой заметил, что "счастлив".

Причину демонстративной холодности разъяснили президентские толмачи. Следуя жестам шефа, они деланно удивились "шумихе", которую раздувают вокруг Ельцинского послания его толмачи. Эй, москвичи, к чему фанфары! Ельцин не сообщает ничего нового, а повторяет известные инициативы белорусского президента о более тесном сближении. Не надо, господа россияне, дешевых сенсаций в общеславянском братстве, которое уже возглавил президент Лукашенко.

На любовь отвечено хамством.

Но сие не трагедия.

Один популист (Лукашенко), эксплуатирующий объединительного конька, с ужасом увидел, что этого конька из-под него вырывает другой популист (Ельцин). Политики раскусили друг друга. Первый говорит об интеграции и одновременно тормозит у себя рынок, загоняет экономику на тупик командного социализма, жестко критикует "российский капитализм", пугает им свой электорат. Второй говорит об "углублении интеграции", для чего

предлагает "синхронизацию экономических реформ" — и это выглядит как ультиматум, а ультиматум, как известно, это не любовь.

Обычная практика: понимая один другого, политики продолжают старую игру, потому что ничего нового на ум не приходит.

Прекратить затянувшееся лицемерие пытается сейчас БНФ, периодически устраивая у посольства России акции протеста, периодически разгоняемые милицией. Лозунги пикетчиков нелюбовные: "Россия обломала зубы о Чечню и Белоруссией подавится!"

В любовном послании Ельцина БНФ увидел угрозу независимости Белоруссии. Один из его лидеров, Л.Борщевский, сурово молвил, что "Россия стремится на белорусском фронте взять реванш за поражение в Чечне, а также напугать страны Запада в связи с расширением НАТО." Заметный в БНФ профессор Ю.Ходыко склонен к злой иронии: "В России решили, что пришло время разыграть белорусскую карту. Хватит, дескать, чтобы Лукашенко разыгрывал российскую."

На фоне странного белорусско-российского романа и произошел скоропалительный украинско-белорусский контакт. Президент Кучма явился не в столицу Белоруссии, а в областной Гомель. Чтобы подчеркнуть деловитость, отличие от Москвы. Явился с группой хозяйственников, которые без промедления занялись "восстановлением связей" с белорусскими коллегами.

Коммюнике по итогам рабочей встречи президентов Лукашенко и Кучмы перенасыщено конкретикой: совместные предприятия будут делать кормоуборочные комбайны; Минский и Киевский заводы займутся производством пропашного трактора; развернется взаимное сервисное обслуживание техники; по реке Припять вновь пойдут баржи в Киевское водохранилище и в Черное море; белорусский флот получит пристанище в

украинских портах; обвально возрастет торговля; упростятся таможенные процедуры на границе . . .

И при всем при этом, заметьте, договаривающиеся стороны "положительно оценили работу по международно-правовому оформлению белорусско-украинской государственной границы и подтвердили готовность завершить в текущем году процесс делимитации." Дружить, сотрудничать, вместе хозяйствовать, но не ликвидировать госграницу (тысяча километров), как это имеет место в "более тесном содружестве" Белоруссии и России, граница между которыми то ли существует, то ли снесена.

Кучма назвал установленные в Гомеле отношения конкретными, динамичными, а не декларативными, как в рамках СНГ. Лукашенко сказал, что если подписанные соглашения станут реальностью, то отношения Украины и Белоруссии превзойдут по эффективности все двусторонние договоры его страны с прочими странами.

О России оба прилюдно не упоминали, но намекали на нее, вездесущую, прозрачно, улыбались при этом загадочно. О России, как признались, президенты много говорили наедине. Что говорили — осталось их тайной.

Интим политиков всегда вылезит наружу. Как-то наедине Ельцин пообещал Лукашенко много нефти, но... Заправить машину сейчас в Белоруссии непросто. Мало бензина. Ельцин опять не дал, потому что Лукашенко опять не заплатил.

Вот и вся любовь.

26 января 1997 года

Со всех сторон света Белоруссию обложило пограничное напряжение. Куда ни ткнешься — орут: "Стой! Кто идет?!"

На запад, в сторону Польши, белорусы, конечно, не ходят: там железный занавес, доставшийся в наследство от СССР. Правда, сквозь него научились просачиваться юркие афро-азиаты, которых манит Европа. Сколько просочилось — на границе никто не скажет. Не знают. Сообщают лишь, что за 1996 год задержали 1.200 "нелегальных мигрантов". Если они идут и идут, едут и едут, лезут и лезут — значит, не зря. Значит, пролезают. Значит, занавес уже не железный.

С 1 января 1997 года Россия, как известно, решила поставить занавес-дублер. На границе РБ и РФ. На той, которой нет якобы по причине славянской дружбы. Зачем же тихонько поставили, если полгода назад торжественно снесли? Поясняют: чтобы ловить нелегалов. Проводить "выборочный паспортный контроль в пограничной полосе шириной 5 километров".

Смешно поясняют! Если нелегалы преодолевают сложнейшие инженерно-технические сооружения на белорусско-польской границе, то неужели их задержат смоленские милиционеры на границе условной, необорудованной, белорусско-русской?

Границу ставят не ради отгородиться, а чтобы соблюсти собственный интерес. Интерес России в том, чтобы эшелоны белорусской водки не подрывали ее бюджет. Интерес Белоруссии в том, чтобы ее продовольствие не утекало в Россию. Поэтому, пошумев по поводу пограничных шлагбаумов на российской стороне, белорусы спешно поставили их на своей. Стой! Покажи паспорт! Открой багажник! Что в сумке?! Широкомасштабная пограничная операция называется "лакмус".

Отличное придумали название. Зарождающаяся белорусско-русская граница словно лакмусовая бумажка проявила пропасть между экономиками России и Белоруссии, разоблачила демагогов. Президент Лукашенко "сносил"

границу потому, что она-де не нужна странам с единым топливно-энергетическим комплексом, обеспечивающим Белоруссию дешевой нефтью. При этом отсылал оппонентов в соседнюю Украину посмотреть, насколько дороже там российский бензин. Журналисты информационного агентства БелаПАН посмотрели — и обнаружили блеф.

Сенсация! Вот цены на продукты из российской нефти в Киеве и Минске на 20 января 1997 года. Бензин А-76 в столице Украины продавали по 0,21 доллара за литр, в столице Белоруссии — по 0,31. Бензин АИ-92 соответственно: 0,29 и 0,42; бензин АИ-95 — 0,34 и 0,52. В Киеве российская нефть на треть дешевле, хотя отношения с Москвой намного прохладнее и не декларируются как особые. Следовательно, безграничная дружба Москвы и Минска последнему дорого стоит.

Информацию журналистов не мешкая взяла на вооружение оппозиция. На плакатах демонстрации и митинга 25 января в Минске защита независимости Белоруссии, а также поддержка демократии в Сербии и Болгарии выражалась единой формулой: "Россия, плати за трубу!" Имелись в виду российские нефте- и газопроводы, многократно пересекающие Белоруссию и не приносящие ей той выгоды, которую при нормальных экономических отношениях могли бы приносить. Оппозиция давно подсчитала, что с российского транзита Белоруссия могла бы безбедно жить.

В российско-белорусской истории главное действующее лицо не азиат-нелегал, а экономика. Она расставила свои акценты на украинско-белорусской границе, договор о которой будет вскоре подписан. Погранвойска на этой границе не появятся. Экономические интересы обоих государств, активно торгующих друг с другом, встанут защищать таможенники и милиционеры. Легальные, законные, а не ряженные в

мифические "братские одежды", как на шоссе Минск-Москва и всех объездных дорогах.

То, что азиатский нелегал никого не интересует, подтвердил главком всех белорусских пограничников генерал-майор А.Павловский. Во-первых, он сообщил на брифинге, что Белоруссия не будет принимать адекватных мер на белорусско-польской границе в связи с расширением НАТО. Во-вторых, он признался, что Белоруссии в одиночку все труднее поддерживать в исправности советский железный занавес, требующий ремонта, модернизации. Видимо, вскорости его придется снести, как сносят прохудившийся забор. Но тогда в Европу хлынут многотысячные потоки мигрантов из Азии и Африки. Что тогда предпринять Белоруссии? Ничего не предпринимать. Это — проблема Европы, а не наша. Так ответил генерал. Ответил мудро, по-хозяйски.

9 февраля 1997 года

У государственных политинформаторов появилась ответственная работа: донести до возрожденных "красных уголков" страны первую трилогию А.Лукашенко, названную "Большое видится на расстоянии".

Интервью воистину большое, растянутое на три номера президентской газеты "Советская Белоруссия". Как заведено в подобных литературных случаях, трилогию обработал журналист-лакей Павел Якубович, редактор указанной газеты. Большая форма произведения, иностранные словечки, обильные метафоры, экскурсы в прошлое и будущее, очень правильные определения демократии, рынка и власти — эта не свойственная Лукашенко литературная формалистика все-таки не спрятала суть Лукашенко.

Цитата из трилогии:

"Вот что мы видим сегодня. Во-первых, с начала проведения экономических реформ обеспечена некоторая положительная динамика. Валовой внутренний продукт в сопоставимых ценах, например, составил 102,6 процента к 1995 году при прогнозе 100-101 процент".

Цитата свидетельствует: президент не увидел, что подлинные реформы в стране так и не начинались (по этой причине МВФ отказал в кредитах), а также перепутал динамику накопления на складах дорогостоящего хлама в виде устаревших тракторов, телевизоров, автомобилей, станков с динамикой обнищания населения, с динамикой исчезновения масла, молока, хлеба, сахара, мяса...

Знакомое до зубной боли лукавство трилогии не заслуживало бы двустраничного комментария, если бы сквозь него не пробивались свежие фонтанчики. Это — открытая обида Лукашенко на всех и вся: на неконструктивных журналистов, не понимающих его деяний; на госдеп США и Совет Европы, не признавших результатов ноябрьского референдума; на российских реформаторов, обогнавших Белоруссию в скорости реформ; на вечно угрожающее НАТО; на оппозицию, состояние которой "надо рассматривать уже как медицинский диагноз"; на интеллигенцию, которая не признает его исторической миссии и не создает соответствующих произведений.

Это — типично большая обида диктатора, с нее произрастает тоталитаризм, подминающий духовную сферу общества. Пока в обществе есть противодействующие факторы, тоталитаризм недоразвит, глуп, саморазоблачителен.

В интервью немало места отведено Василю Быкову, который находится в жесткой оппозиции. Президент обижен, что "как-то не сложились отношения с замечательным писателем", протягивает ему "руку дружбы". Без дружбы с

крупными художниками Лукашенко как самодержец испытывает чувство неполноценности. Стихи, песни, фильмы, картины, гобелены, созданные в его честь третьеразрядными творцами страны, уже не удовлетворяют его вождистских ожиданий.

Обиды вождей обычно становятся внутренней политикой государства.

23 февраля 1997 года

В Минске впервые прошел "марш пустых кастрюль". Как и положено, посуду несли женщины, барабана по ней ложками. Оппозиционеры сопровождали мужа, сыновья, БНФ, а всех их сопровождала милиция в полной боевой экипировке.

Шумный табор по тротуару проспекта Скорины направился было под окна резиденции президента, чтобы там заявить протест против невиданного роста цен в декабре-феврале. Несмотря на то, что колонна соблюдала правила уличного движения, то есть шла на зеленый, а на красный останавливалась, — милиция ее задержала и к президенту не пустила.

Впрочем, президента все равно не было на рабочем месте. Он был за городом, на лыжне, поднимал массовый спорт. Помитинговав в парке и сочинив резкую петицию президенту, женщины унесли кастрюли на их типичное место — в свои обнищавшие кухни.

Женский марш-протест закрепил новое качество уличной политики в Белоруссии. Раньше этим делом занимались в основном представители БНФ и им сочувствующие. Это давало президенту повод ерничать: дескать, общество будоражит "кучка одних и тех же лиц, далеких от народа." Теперь на улицы вышло много новых лиц: студенты, школьники, молодые рабочие, предприниматели, продавцы рынков и, наконец, женщины, организованные радикальными общественными кружками. Убедиться в том президент

сможет, посмотрев пленки милицейских операторов, демонстративно снимавших мероприятие на видео.

Социально пестрые марши, митинги и пикеты ведут себя, тем не менее, целенаправленно. Они стали ближе к насущным проблемам. В содержании плакатов теперь значатся права человека на достойную жизнь, а раньше — витали абстрактные для большинства белорусов национально-освободительные призывы. Или БНФ разумно изменил тактику, или в митингующей толпе родились новые лидеры, которые вскоре станут известны и которые уже вооружили свой электорат свистками, переняв успешный опыт Белграда.

На новое качество уличной оппозиции чутко отреагировала власть. Милиция меньше бьет подростков и женщин на виду, чтобы не вызвать массового недовольства, а больше — в подворотнях, в тюремных камерах. Милиционеры стараются выхватить из толпы оторвавшихся одиночек или случайных зевак, вбросить их в машину, отвезти подальше и там, без свидетелей, повоспитывать палками. Толпа это знает, поэтому держится плотно. Милиционеры еще раз видоизменили тактику: выберут в колонне свою жертву, следят за ней до окончания митинга, "ведут" домой, хватают у родного подъезда.

Слегка изменился и президент. Он признал, что "цены не удержал", но "открутить назад" не обещает, как обещал прежде. Вместо этого издал декрет. Обязал богатых граждан сообщить, за что они приобрели автомобили, квартиры, дома, дачи, земельные участки, картины, драгоценности. Право требовать декларацию о доходах предоставлено не только налоговой инспекции, но и прокуратуре, милиции, госконтролю, КГБ. Если потерял квитанцию, если дорогая брошь досталась от умершей уже бабушки, если машину заработал челночным бизнесом, не выдающим справок, —

конфискуют и разделят между бедными гражданами. Положат в их пустые кастрюли.

16 февраля 1997 года

Стреляли в окно редактора газеты "Свобода" Игоря Герменчука. На кухне, куда стреляли, редактор обычно работает по вечерам над рукописями. Стреляли в его отсутствие. Предупреждали предметно — дыркой в стекле.

Параллельно предупреждали письменно — в жанре заявления пресс-секретаря президента. Редактору Герменчуку посоветовали больше не публиковать о президенте "необъективные материалы", "не позорить журналистскую профессию".

В тот же день предупредили непримиримого депутата Анатолия Лебедько, который в серии статей показал недееспособность нынешней власти. Бывший друг и соратник президента хорошо знает Лукашенко изнутри, делится своими знаниями беспощадно. За что и предупрежден. Он был избит в подъезде своего дома. Нападавшие были в масках, за время "работы" не проронили ни слова. Карманами, "дипломатом" публициста не поинтересовались.

На следующий день по белорусскому телевидению мальчик-ведущий произнес издевательский комментарий по фактам нападений на коллег-журналистов. Девочка-репортер тоже поерничала по поводу избияния депутата. Все они там, на президентском экране, похожи друг на друга, будто рождены общим отцом.

Одновременно в МИД Республики Беларусь был вызван собкор НТВ Александр Ступников, известный зрителям СНГ острыми репортажами из Белоруссии. Его официально предупредили, что в случае повторения

"неточной информации" деятельность корпункта НТВ будет прекращена. Ноту того же содержания направили в МИД Российской Федерации.

Но и это еще не все!

В аэропорту Шереметьево, при посадке в самолет, вылетающий в Прагу, был задержан собкор "Известий" по Белоруссии Александр Старикович. Молодому человеку, тяготеющему в творчестве к скандальным разоблачениям мафии от власти, кто-то подложил в багаж кусок разорвавшейся мины. Журналиста задержали и допросили. Затем отпустили в Прагу следующим рейсом. Тоже, значит, предупредили.

Все упомянутые злоключения вокруг непрезидентских журналистов произошли на одной неделе. Все их веско прокомментировал президент. Выступая на расширенном заседании правительства и ставя задачи на текущий год, он в числе важнейших задач назвал "наведение порядка" в средствах массовой информации.

Наведение порядка, которое уже началось, возглавит проверенный идеолог президентской администрации Владимир Заметалин, по милости которого, напомним, независимые газеты печатаются в Вильнюсе. Ему поручен Госкомитет по печати.

Кресло Заметалина в администрации президента занял Иван Пашкевич, по образованию журналист, по профессии соловей ноябрьского референдума. На первой же пресс-конференции на новой должности он сообщил, что решено создать БТ-2. Второй белорусский телеканал заменит собой ОРТ. Еще одно окно, сквозь которое в страну проникает свет, будет заколочено.

2 марта 1997 года

В Минск приезжал российский министр по делам СНГ А.Тулеев. Он готовит встречу президентов А.Лукашенко и Б.Ельцина в Москве 7 марта.

Накануне женского праздника двум мужчинам придется подвести нерадостные итоги однолетнего существования Сообщества Белоруссии и России. За год не сделано ничего ни по линии экономической интеграции, ни в сфере "братских чувств". Даже "единое таможенное пространство" оказалось бумажным, поскольку на границе "братья" вновь проверяют друг у друга карманы, а с 10 марта по приказу министра МВД А.Куликова на российской стороне восстанавливаются таможи.

Политикам не позволено (а может, не дано) грустить в случае неудачи. Грусть в их особом организме трансформируется в шаманскую риторику. Эту особенность демонстрирует белорусский президент. Год назад интеграцию он подавал как "славянское единство", а сейчас — как общую трубу (с российской нефтью, за которую можно не платить). Получив два месяца назад жесткое предложение Ельцина ускорить и синхронизировать с Россией экономические реформы, Лукашенко отреагировал еще жестче: не указывайте, я не стану вашим губернатором, потому что я президент суверенного государства.

За все это Лукашенко очень нравится Тулееву, который находит новые и новые объединительные факторы. Скажем, чем Россия может заинтересовать свою молодежь? А вот чем — примером Лукашенко. "Путь его — верный. В Белоруссии — рай по сравнению с другими странами СНГ. Россия без Белоруссии с колен не поднимется, особенно старшее поколение."

Журналисты, состоящие на службе у ЦРУ, зарубите себе на носу, что Сообщество еще продемонстрирует НАТО свою мощь. А мощь Сообщества — в интеграции экономики. Чтобы достичь ее, надо работать точно. Это — тоже Тулеев.

Введен новый термин — "работать точно". Поясним его примером. В прошлом году Тулеев в Минске же от имени российского правительства заключил договор с белорусским премьером на поставку якутских алмазов для

переработки их на Гомельском заводе. Подписи на бумаге чиновники поставили, речи о взаимной выгоде произнесли, шампанское выпили — и точка. Об алмазах забыли. Недавно директор завода в панике сообщил по радио, что якутские алмазы не поступили, что без них предприятие вот-вот закроется.

Закономерно, "братья". Якутские алмазы принадлежат не вам, а конкретным хозяевам, у которых свои интересы. Только собственники вправе договариваться об интеграции экономических интересов. В противном случае любые алмазы в чиновничьих бумагах перерабатываются в липу.

Высшие чиновники обеих стран без устали гранят свой самый большой алмаз — Сообщество. Успешно завершить дельце, по их мнению, должен "указ прямого действия", изданный председателем Сообщества (Лукашенко) и заставляющий всех от Бреста до Чукотки враз проинтегрироваться.

Неужто от Бреста до Чукотки обитают сплошь дураки?

9 марта 1997 года

2 марта президенты России и Белоруссии еще дальше "углубились в союз", напустив туда еще больше туману.

Накануне полета в Москву А.Лукашенко издал уникальный указ: "В связи с образованием 2 апреля 1996 года Сообщества Белоруссии и России ... установить государственный праздник — День единения народов Белоруссии и России и ежегодно отмечать его 2 апреля." Уникальность в том, что Б.Ельцин синхронного указа не издал, чем нарушил логику совместной игры.

Фальстарт Лукашенко во всесоюзный праздник, которого не существует, можно объяснить лишь его желанием спрятаться от критичного запада, прикрыть Москвой сомнительную легитимность официального Минска.

Посольство США распространило официальное заявление госдепартамента "о политике в отношении Белоруссии после событий, связанных с проведением референдума 1996 года." Референдум "сочтен недействительным и недемократичным." Оценки США жесткие, меры воздействия для Лукашенко весьма болезненные :

"Вызывает озабоченность тот факт, что вновь созданные парламент и Конституционный суд были сформированы недействительным путем. Наши контакты с этими структурами будут сведены до минимума, необходимого для ведения существенных дел. Мы будем продолжать работать с отдельными членами обеих структур, которые поддерживают демократию и права человека.

В сфере экономики МВФ приостановил свои программы в Беоруссии в ответ на постоянное нежелание правительства допустить приватизацию и другие структурные реформы, необходимые для перехода к рыночной экономике.

Со стороны США более не планируется финансирования или страховки со стороны Корпорации частных инвестиций за рубежом, поскольку неразрешенным остается дело о возмещении ущерба, недавно возбужденное против правительства Белоруссии. Агентство по торговле и развитию приостановило свою деятельность в Белоруссии... Банк Экспорт-Импорт более не предоставляет финансирование в Белоруссии...

Мы ожидаем истинного прогресса в деле защиты международно признанных прав человека и принципов демократии, как, например, разделение властей, которые Белоруссия как член ОБСЕ добровольно на себя приняла."

Определился и Европейский союз, дотошно изучивший ситуацию в Белоруссии. Его представитель привез лично президенту Лукашенко

специальный доклад ЕС. Европа ведет себя несколько корректнее Америки, но это не меняет сути ее действий. Лукашенко рекомендовано объявить недействительным свой указ об обязательном характере ноябрьского референдума и вернуться к Конституции 1994 года. Конкретные действия Европейского союза в отношении Белоруссии аналогичны мерам США: поддерживать контакты не с нынешними структурами власти, а с теми, которые Лукашенко разогнал.

Москва действует наоборот, не опасаясь заразиться от Минска неконституционностью. Видимо, существует у Москвы более сильное желание, коль она игнорирует мнение запада и идет с Минском на союз. Оппозиция утверждает, что Москва желает заполнить Белоруссией брешь, образовавшуюся от утерянной Чечни.

У российского посольства каждый день стоит пикет под плакатами: "Руки прочь от Белоруссии!", "Нет аннексии!", "Я люблю Европу!" Минская молодежь прошла мимо посольств крупнейших европейских государств, назвав свой марш "путем в Европу". Послам были вручены соответствующие петиции.

17 марта 1997 года

Такого не случалось ни в одном уважающем себя государстве: в Белоруссии отменили День Конституции.

Конституция, к которой проявлено невиданное неуважение, принята в Белоруссии 15 марта 1994 год. Референдумом 24 ноября 1997 года она кардинально перекроена под вождистскую статью президента Лукашенко. По его же заказу. Итого где-то в стране лежит две конституции (если их больше одной, то надо писать с маленькой буквы).

Мартовскую конституцию признает демократический мир, ноябрьскую — только Россия. Согласно конституции-94, в стране имеется легитимный Верховный Совет, избранный народом, но разогнанный нелегитимным Национальным собранием, которое появилось согласно конституции-96. Конституции две, породивших их реальных общественных сил, противостоящих одна другой, тоже две, а день рождения конституции — один, 15 марта. Встал вопрос: как поделить праздник?

Верховный Совет категорически постановил, что выведет народ прошествовать по центральному проспекту столицы. Подал заявку в Мингорисполком. Оттуда ответили, что "нельзя создавать трудности остальным гражданам." Шествие запретили. И тогда Председатель ВС С.Шарецкий заявил еще тверже: "Все будет так, как решил Президиум Верховного Совета. Мы пойдем по центральному проспекту. Это государственный праздник, это не выдумка, не протест, а если и протест, то протест против того, кто нарушает законы."

За неделю до красной даты в календаре в Минске начался "хапун". Милиция хвала лидеров и активистов оппозиционных партий, народных депутатов ВС, независимых журналистов. Всех отвозили в сизо, а далее — в суд. Одним назначали арест (до пяти суток), другим — солидные штрафы, третьим — доставались дубинки и слезоточивый газ.

Был ли повод для карательных мер? Был. Он сейчас постоянно в наличии. В Минске идет по сути непрекращающийся митинг под лозунгом: "Интеграция — это оккупация." Имеется в виду объединение с Россией.

Накануне дня рождения конституции директора минских школ снимали вывешенные приказы о традиционном нерабочем дне. Учителям было велено собрать учеников и занять походами и экскурсиями, только бы не пошли праздновать вместе с оппозицией. У родителей потребовали

письменные справки о местонахождении их дети 15 марта. Градоначальники отменили выходной в промтоварных магазинах и службе быта.

Красный день сделали днем трусости государства, покоящегося на двух конституциях.

15 марта многотысячная колонна, сметая милицейские форпосты, вышла на минский проспект Скорины и двинулась в сторону площади Независимости. Она несла национальные бело-красно-белые флаги, а советские, красно-зеленые, восстановленные президентом, срывала и топтала.

К цели, к площади Независимости, колонну не пустил усиленный кордон силовиков, вооруженных дубинками и щитами. Сила подошла к силе и остановилась. Спикер Шарецкий поздравил "защитников народа" с днем конституции и повернул колонну на периферию столицы, где состоялся митинг протеста.

24 марта 1997 года

В воскресенье, 23 марта, очередное выступление оппозиции в Минске завершилось кровью.

Впервые в милиционеров, регламентирующих движение колонны манифестантов по проспекту Скорины, полетели камни. Поскольку на тротуарах и улицах Минска камни не валяются, значит, участники митинга принесли их в карманах и сумках? То есть готовились к нападению? Планировали разбитие милицейских носов?

На поставленные вопросы официальная пропаганда уже ответила положительно. При этом обходя главный вопрос любого общественного столкновения: кто не выдержал и бросил камень первым?

Готовясь к политической весне, президент Лукашенко издал декрет "О собраниях, митингах, уличных шествиях, демонстрациях и пикетировании в Республике Беларусь." Запретительная логика этого документа, имеющего силу закона, делает практически невозможным существование инакомыслия в обществе. Прежде чем мыслить иначе, нежели власть, нужно испросить ее ... разрешения.

Содержание плакатов и лозунгов, этих важнейших атрибутов массовой политики, требуется согласовать в городском или районном исполкоме. Что касается флагов и вымпелов, то они должны быть "зарегистрированы в установленном порядке." Настоящая трагедия с перемещениями уличных политиков по городской территории. Безопаснее всего им двигаться к месту митинга по воздуху.

Минские тротуары не широки, не вмещают манифестантов, если оных собирается больше сотни. А если больше двух тысяч, как было 23 марта? Часть толпы обязательно выплеснется на проезжую часть, где ее поджидают блюстители декрета.

Типичная картинка политической весны 1997 года. По тротуару движется шумная толпа, параллельно, по проезжей части, мешая троллейбусам, движется шеренга милиции. Кто ступил на проезжую часть, получает удар дубинкой.

Так сейчас происходит регулирование уличного движения Минска.

Президентский декрет запустил конвейер наказаний. После митинга обычно задерживают 100-200 человек. В судах их поджидают назначенные президентом судьи. Скорый белорусский суд политизирован, непоследователен в своих решениях. Например, депутата Верховного Совета М.Гриба (бывшего спикера ВС) за "неправильное движение" на митинг суд оштрафовал на 20 миллионов рублей (примерно 800 долларов). Отставной

министр внутренних дел Ю.Захаренко за то же самое наказан на 100 долларов штрафа. Полковник запаса, бывший командир бригады спецназа В.Бородач получил 10 суток ареста, заместитель председателя БНФ Ю.Ходыко — 5 суток...

Белорусский конвейер неадекватных наказаний захватывает иностранных граждан. Первыми были семеро украинцев, посаженные в минскую тюрьму за участие в "минской весне 1996 года". Нынешняя весна оказалась несчастливой для исполнительного директора Белорусского фонда Сороса американца П.Берна, высланного из Белоруссии за то, что посмел лично наблюдать, как происходит вышеописанное регулирование уличного движения. На митинге оппозиции 23 марта задержан первый секретарь американского посольства С.Александров, молниеносно выдворенный за пределы Белоруссии.

Госдепартамент США выступил с резким заявлением. Имеется в нем и обобщающая оценка: "Происшедший инцидент, а также недавние декреты об отмене освобождения от уплаты налогов гуманитарными и правозащитными организациями и ограничении права проведения оппозиционных манифестаций представляют собой явную попытку заставить замолчать сторонников демократии в Белоруссии."

Картинка Минска: на площади Свободы стоит пикет красивых женщин, собирает деньги девушке, которой милиционер на митинге выбил два зуба.

31 марта 1997 года

Вечером 1 апреля из Минска в Москву на совместное заседание парламентов Белоруссии и России под звуки духового оркестра отправляется праздничный эшелон лиц, запланировавших 2 апреля возродить советскую империю.

Запомним (для истории), что пассажирами скорого поезда, несущегося в "новый союз", являются: депутаты Национального собрания, высокопоставленные чиновники президентской администрации, министры, знатные хозяйственники распределительной экономики, придворные юристы, журналисты, омовцы, экономисты, пророки, знахари, поэты.

Они заняли места в литерном поезде благодаря референдуму 1996 года, результаты которого не признала ни одна страна (единственное исключение — Россия). В Москву направляется эшелон лиц, объявленных мировым сообществом вне закона, вне морали, вне деловых контактов. С данными лицами Россия намерена вступить в союз, тем самым расширив на громадную территорию нечто нелегитимное, а значит, неустойчивое, угрожающе зыбкое.

Вызывающий дилетантизм проекта устава "союза двух", устанавливающего поочередное правление президентов Белоруссии и России в аморфном государственном образовании, потому и вызывающ, что не имеет аналогов в цивилизованном мире, игнорирует мир с его стандартами власти, демократии, прав человека. Этот проект родился в Белоруссии. Эшелон везет его в тупик.

Доктор юридических наук, бывший судья Конституционного суда Михаил Пастухов спрыгнул с опасного эшелона на полном ходу, рискуя жизнью. Свой мужественный профессиональный поступок он объясняет по-человечески доходчиво: "То, что сделано нечестно, с обманом, неизбежно рухнет, и тогда все увидят обман, а также тех, кто в этом участвовал. Новая редакция конституции, навязанная белорусскому обществу в обход закона и прады, лопнет, как мыльный пузырь. Она нежизнеспособна, как и новоявленные государственные органы, образованные на ее базе."

Скажите же, кто и где встречал чудака, всерьез воспринимающего мыльный пузырь вплоть до вступления с ним в материальную связь? А если

таковые имеются (в Москве), то не рискуют ли они лопнуть вместе? Не разнесет ли в щепки всю Россию взрывоопасный груз, доставленный из Минска в Москву? И не полетят ли горячие осколки гигантского взрыва по всему миру, сметая города и страны?

7 апреля 1997 года

Десант белорусских "интеграстов" во главе с президентом вернулся из Москвы растерянным, раздраженным.

"Младшие" братья планировали 2 апреля подписать договор и устав "союза двух", в тот же день (!) ратифицировать на совместном заседании парламентов обеих стран, внедрить в Кремль троих бойцов своей команды (президента и двух спикеров). "Старшие братья" с бешеной гонкой в неизвестность не согласились и настояли отправить "союзные бумаги" на двухмесячное всенародное обсуждение.

Поймите "младшеньких", но хитреньких: им пережить два месяца тревожного ожидания. При отчаянном балансировании на краю экономической пропасти за долгие два месяца можно рухнуть вниз. Вот откуда растерянность — от неспособности без московского толчка отползти от собственного небытия. И вот во что вылилось раздражение осторожной Москвой — в бессмысленную жестокость к оппозиции 2 апреля.

Мы видели. Четверо толстозадых милиционеров избивают палками худенькую девушку в шапочке, из-под которой свисает косичка. Это было в Минске 2 апреля 1997 года. Днем позже милицейский начальник по телевизору пояснил нам, что это была не девушка, а юноша-японец с длинными волосами, который выкрикивал запрещенные лозунги.

Юношу бить можно — за слова, за мысль. За то же положено молотить журналистов, выискивая их в толпе по фото-досье КГБ да по

аккредитационным карточкам, вывешенным глупыми журналистами, верующими в закон, себе на грудь. Нежто до сих пор не уразумели, что беспрепятственным пропуском в любую профессию в Белоруссии уже два с половиной года является икона вождя на твоей груди и в твоей сердце?

2 апреля в Минске, по различным данным, арестованы около трехсот человек. Подобного еще не было. Как не было до того дня такого дружного протеста правящему режиму практически во всех крупных городах страны. Чем больше верхушечных планов и разговоров об интеграции с Россией, тем больше внизу, в народе, тех, кто в интеграции видит оккупацию, ликвидацию Белоруссии как самостоятельного государства. Чем жестче президент и его карающая рука, тем теснее ряды разномастной оппозиции, уже взявшей в свои руки главное оружие пролетариата.

Некоторые наблюдатели предсказывают развитие в Белоруссии сценария наподобие Северной Ирландии. Это значит — с кровью, с партизанскими методами, с подпольными базами, с покушениями на столпов режима, с расколом общества на два воюющих фронта. Неужто не избежать?

2 апреля в районе российского посольства оппозиция показала новые способности. Молодежная группа численностью 500 человек, отпочковавшись от семитысячного митинга, упорно несла российским дипломатам желтую тыкву как народный символ неудачного сватовства. Тыквоносцы организованно пробили милицейские заслоны, оказали умелое сопротивление, затем планоно отступили и удрали с места боя общественным транспортом.

Тактика, судя по всему, разрабатывалась заранее. Это вполне соответствует логике бескомпромиссного противостояния президента и антипрезидентских сил (не антироссийских!). Воюющие стороны ускоренными темпами движутся навстречу. Президент как боевой компьютер

на ходу выдает воинствующие заготовки: подонки, отщепенцы, ворье, агенты ЦРУ. Руководители БНФ после стычки 2 апреля на прессконференции заявили об ужесточении тактики. Было сказано, что "все документы, подписанные нелегитимным парламентом, будут в свое время отменены." В том числе, разумеется, и "союзные".

Придет ли такое время — неизвестно. Зато из истории известно, что оппозиция очень часто в конце концов к власти приходит.

13 апреля 1997 года

Белоруссия превосходит Великобританию и Германию по обычным вооружениям. Учитывайте это, стратеги НАТО, планирующие продвижение к белорусской границе.

Милитаристский намек принадлежит президенту Лукашенко. Его первое послание парламенту, назначенному им же, было победным по всем фронтам: военном, экономическом, социальном. Его вертолет над весенней посевной кампанией гудел нарядной пчелкой, собирающей рапорты об успехах, хлеб-соль и одобрямс.

Оправившись после неудачного завоевания Кремля 2 апреля, Лукашенко спасает лицо дерзкими заявлениями. Непредсказуемый каскад апрельских дерзостей! На одну из них, адресованную НАТО (см. выше), наверно, не один серьезный политик задумчиво покачал головой. Или покрутил палец у виска. Интересно, как отреагируют на остальные, не менее апрельские, адресованные Москве, в высшем руководстве которой, как сообщил Лукашенко, имеются заокеанские агенты? Москва, как известно, не реагирует на самую горькую слезу. А на выдающуюся дерзость обиженного диктатора?

Два президента подписали договор о союзе, поцеловались, выпили шампанское, условились о "широком обсуждении" устава, а через день один из них, вернувшись домой, словно шалунишка надувает щечки и капризно говорит, что "народное обсуждение — это юридический нонсенс". Ха-ха!

Заодно Лукашенко поведал белорусской публике новые подробности рождения союза. Оказывается, родился он еще год назад, и уже тогда его называли "союзом". Имя закрепили договором. Но Москва вдруг передумала и стала просить Минск переименовать новорожденного в "содружество". Минск согласился. И поскольку договор не успели напечатать в газетах, внесли в текст другое имя. Через год Ельцин попросил назвать это "союзом". Лукашенко согласился, потому что для него "это был пройденный этап". Ха-ха-ха!

Из всех извилистых откровений белорусского союзника можно уяснить только одно: это — игра, а не интеграция. Ну какое может быть доверие к союзу, в котором больше капризов сторон, чем шагов навстречу!

Капризная, Лукашенко растет в собственных глазах. Надувается до величин Великобритании, Германии, России. Милитаристские амбиции подкрепляет экономическими. Неожиданно сообщает о невиданном росте экономики Беларуси в первом квартале 1997 года. Оглянитесь: кругом нищета, но знайте: внутренний валовой продукт по сравнению с прошлым годом вырос на 9 процентов.

Сообщив не известные народу факты народного благополучия, президент дерзновенно окрестил нынешний этап своей деятельности "качественным прорывом". Ха-ха-ха-ха!

Очередной этап в голове президента люди встретили семитысячным митингом на Минском стадионе "Трактор". Собрались вслух поговорить о житье-бытье рабочие крупнейших заводов. Рабочие, а не "пьяные юнцы",

как обычно характеризует батька оппозиционный митингующий контингент. Митингующих было семь тысяч. Экипированных омоновцев, сидящих вокруг стадиона в ожидании беспорядков, была тысяча! Но беспорядков не случилось, рабочие выговорились и разошлись в поисках куска хлеба.

На митинге прозвучала истинно народная оценка договора о союзе — осторожно-отрицательная. Рабочие Минска опасаются, что в случае объединения в одно государство им по полгода не будут платить зарплату, как не платят в России. В Беларуси платят ерунду рваную, зато не задерживают подолгу.

"Качественный прорыв" президента рабочие охарактеризовали по плакатному кратко: "Заводы — запущены! Продукции — избыток! Зарплату — получили! Жить — не на что!!!"

Это — не хаханьки.

21 апреля 1997 года

Президент Лукашенко осиротил страну на десять дней. Такого еще не случалось. Он улетел очень далеко — в Китай, Южную Корею, Вьетнам.

Как обычно, по пути следования президентской кавалькады в аэропорт был заранее выстроен коридор безопасности. Мне тоже удалось проехать по нему километра два, в свой гараж. На этом отрезке я прочитал из машины три политических лозунга, нанесенных красной несмываемой краской на заборы и стены на двух государственных языках: 1. "Лукашэнка — брэша", 2. "Хочу в Европу", 3. "Европа турнула — аж до Сеула".

Два первых лозунга во множестве встречаются по всей Беларуси, и не только на заборах, а где-нибудь на недоступном фронтоне, либо на трубе котельной, в соседстве с национальным бело-красно-белым флагом. А вот последний был по содержанию новеньким, как раз к отлету президента в

первую столь длительную командировку в дни "всемирного обсуждения устава союза Белоруссии и России". Лозунг точно отражал странное поведение Лукашенко.

"Руководство России ставит вопрос о вхождении Белоруссии в состав России, — обиженно сказал президент деревенским бабкам и охранникам. — Перед нами ставят заведомо невыполнимые условия, чтобы сорвать союз. Но губернией мы не будем. Только союз равноправных суверенных государств! Но руководство России сегодня не готово к объединению."

Охранники в ответ каменно молчали. Бабки кивали головами в знак согласия. Этим пришибленным кивком и закончится в Белоруссии всемирное обсуждение, о ненужности которого президент выразился однозначно, намекая и России не обсуждать, а подписывать. Но там, в руководстве, все-таки обсуждают, предлагают новые и новые варианты, чем бесконечно унижают раненого всеславянского объединителя. Опасаясь московского подвоха, он решил срочно строить запасный аэродром далеко на востоке. Показать, что сам с усами. Доказать и Москве и Европе, что может обойтись без них.

"Пыль, поднятая вокруг референдума, ушла в небытие. Запад прагматичен. Он не сможет обойтись без Белоруссии. Мы в центре Европы, нас не передвинуть, транспортные и торговые пути идут через нас." Президент говорит и говорит. Бабки кивают и кивают.

Президент надеется, что Европа свыкнется с тем, что он натворил в Беларуси, и наконец увидит здесь, на бойком торговом перекрестке, свою выгоду. Но Европа ничего в Белоруссии не видит, кроме диктатуры. И ведет себя (пока) последовательно. Не желая с диктатурой контактировать. Все европейские лидеры приглашены 28 мая в Гаагу на празднование 50-летия плана Маршалла. Все, кроме Лукашенко. Шеф белорусского МИДа профессор

оболванивающего политпроса И.Антонович с ног сбился, доказывая Европе, что в Белоруссии сплошь демократия, а его презирают выслушать, потому что Европа верит не заклинаниям, а реалиям.

В Минске работает очередная группа ОБСЕ, изучающая положение дел с правами человека. Один любознательный из группы захотел побывать на процессе над первым заместителем председателя Верховного Совета В.Новиковым, которого судят за участие в праздничном шествии по случаю Дня Конституции. Вице-спикеру дали штраф в пять миллионов рублей. А представителю ОБСЕ дали от ворот поворот, не пустив в зал судебных заседаний. От неожиданности, от проявленного к нему хамства, от неправомерности поступка судьи самоуверенный европеец даже растерялся. Можно представить, что он, оправившись от потрясения, напишет в своем отчете? Можно. Напишет то же самое, что в резолюции Европарламента, посвященной союзу Белоруссии и России.

Европа еще раз обращается к президентам А.Лукашенко и Б.Ельцину отложить окончательную ратификацию договора до его "одобрения демократическими институтами обеих стран", то есть до восстановления в Белоруссии легитимного парламента. Президент Лукашенко не стал слушать и улетел.

Президент полетел навстречу солнцу с надеждой построить там, вдали от несговорчивой Европы, свой новый имидж. Но туда, на дальний-предальний восток, быстрее долетела дурная слава президента. В Сеуле только что состоялась 97-я конференция Межпарламентской ассамблеи. Оттуда представителя белорусского парламента, родившегося в результате незаконного референдума, выставили дважды. Почему дважды? Когда выставили первый раз, Белоруссия попросила Россию поспособствовать проникнуть на конференцию. "Белорусский вопрос" повторно включили в

повестку дня. Потому что уважают Россию. Обсудили. И вторично решили, что законный представитель Беларуси — это Верховный Совет, разогнанный президентом. Тем президентом, который уже подлетал к Сеулу, надеясь, что здесь ничего не знают.

28 апреля 1997 года

26 апреля, в день одиннадцатой годовщины Чернобыля, оппозиционных манифестантов в Минске впервые не били. Потому, что политических мертвецов не бьют. Так сказал высокопоставленный милиционер, который бил в прошлом году, на десятую годовщину.

Чернобыль в Белоруссии — явление политическое. И в том суть трагедии.

Накануне годовщины по телевидению валяли в грязи и перьях известных лидеров оппозиции. Журналисты показали и доказали, насколько ничтожны, несущественны, мертвы дела и слова инакомыслящих. Разумеется, — и все ихние бредни о Чернобыле, якобы поставившем белорусов на грань вымирания. Когда оппозиция вышла на скорбный "Чернобыльский шлях", телекомментатор захлебывался от счастья: "Горожане не обращали внимания на этих политиканов!"

Человек — самое забывчивое и привыкаемое животное. Смирившись, Белоруссия привыкает к Чернобылю. К лысым детским головкам, к маленьким гробам. На животном равнодушии власть строит чернобыльскую политику.

Напялив зелено-пятнистый мундир, президент год назад съездил в чернобыльскую зону и совершил открытие: там можно жить! Он видел в Брагинском районе передвигающихся по своим заросшим подворьям старух и стариков. И даже детей, вот что интересно. Аборигены-самоселы были счастливы оттого, что находятся на родине предков. А коль так, надо

позволить людям вернуться в родные места, надо уважить стремление человека жить там, где ему хочется. Права человека — вернейший ориентир для власти.

Так родилась "новая концепция" Чернобыля, основанная на мифическом "самоочищении" зараженных территорий и на отчаянии переселенцев, измучившихся в недоделанных поселках и жилищах без оплачиваемой работы, без поддержки государства. Разворовав и разбазарив чернобыльские деньги, власть решила сэкономить на здоровье народа, на будущем нации. Кто против, кто хочет быть здоровым сегодня и завтра, кто в отчаянии кричит о будущем Белоруссии — тот политикан.

Действия власти на чернобыльском фронте были стремительны. Зараженные села и пашни признали чистыми, опершись на "закключение ученых". У чернобыльских детей отобрали оздоровительный апельсин, у их родителей — льготную копейку. Тут выработать тактику помогли "экономисты". Общественные чернобыльские организации обвинили в чем угодно. Тут поусердствовали "президентские контролеры". Счета зарубежных фондов, поставляющих в Белоруссию тонны разного добра, арестовали. На то под рукой прыткие "финансисты". Внутреннюю оппозицию, протестующую против "новой концепции", дискредитировали. Для чего завели и прикормили молодую бездумную поросль от "пера и микрофона".

Одиннадцать лет назад директор горячей ЧАЭС в страхе и растерянности звонил в ЦК партии и спрашивал: что делать? Сегодня директор горячей земли знает, что делать: заставить замолчать всех, кому больно, и найти среди них, кто запоем, как ему прекрасно.

Посредством Чернобыля осуществляется преемственность и живучесть античеловеческой системы.

У Белоруссии три беды: Чернобыль, Лукашенко, Союз. Таков был главный лозунг оппозиции на "Чернобыльском шляхе-97". Этот лозунг те, кому больно, хотели пронести по центральным улицам столицы, а митинг провести на главной площади. Чтобы разбудить белорусов, привыкших ко всем своим бедам. Власть, заинтересованная в вечной спячке белорусов, отправляла манифестацию на окраины. В результате жестких переговоров был найден компромиссный вариант: шествие провести по проспекту Скорины, митинг — подальше от официального центра. Мероприятие впервые прошло мирно.

Изменилась ли белорусская власть, ранее выставляющая заградительные кордоны на каждом шагу тех, кто выражает собственное мнение? Вряд ли. Если бы изменилась, то не вывела бы минский милицейский гарнизон в подворотни "Чернобыльского шляха", не ждала бы на его пути погромов и поджогов. Народная власть не выставляла бы людей, несущих колокол Чернобыля, отщепенцами белорусского народа, а присоединилась бы к ним и пошла бы вместе.

9 мая 1997 года

От "посмешища", как президент Лукашенко именует всенародное обсуждение Устава союза Белоруссии и России, родилась "Белорусская освободительная армия".

Ксерокопию свидетельства о рождении (проще — листовку) неизвестного формирования опубликовала газета "Свобода". В переводе с белорусского на русский БОА заявила о себе так:

"Мы, Белорусская Освободительная Армия, берем на себя ответственность за обстрел российского посольства в Минске вечером 1 апреля, взрыв на газокompрессорной станции около Крупок в ночь на 28

апреля, подрыв трубы магистрального газопровода в районе Узды утром 30 апреля 1997 г.

Эти акции — предупреждение московским "интеграторам" и их белорусским холоум. Под видом "интеграции" они обеспечивают стратегические интересы "Великой" России и супермонополий..., лишают белорусский народ наиважнейшего достояния — независимости, продают будущее наших детей и внуков.

Наши цели: возобновление действия Конституции 1994 г., установление демократического строя в Белоруссии, борьба с режимом Лукашенко, противодействие имперским устремлениям России аннексировать Белоруссию.

На основании Конституции 1994 г. объявляем вне закона режим Лукашенко и его пособников. Святое право и обязанность каждого честного жителя Белоруссии бороться за Конституцию 1994 г. с режимом Лукашенко всеми доступными средствами, в том числе вооруженными..."

Заявление БОА сочинено посредством ненормативной (нерусифицированной) белорусской пунктуации, которой подчеркнуто пользуются оппозиционирующие интеллигенты БНФ.

Таким образом, если эта БОА зачалась в интимных местах белорусского КГБ, то цель провокации разочаровывающе ясна: окончательно уничтожить БНФ в глазах электората, вслед за президентом радующегося "порядку и стабильности." Не зря вице-лидеры БНФ, пребывающие в отечестве, поторопились отмежеваться от "не известной им организации".

"Белорусская Освободительная Армия" может быть мифом не только гебистским, но и революционным. Возле российского посольства действительно стреляли. Взрыв чудовищной силы на газопроводе был. Власти, санкционировавшие строительство через Беларусь очередной российской

трубы в Европу, несколько дней скрывали от народа и взрыв, и последующий пожар, и огромный ущерб, а причины — скрывать продолжают.

Боевой дух обязательно потребует выхода, формы — оружия. В том трагическая логика национально-освободительной борьбы. Даже если она, как учили ее теоретики, бывает справедлива, она, как показывает опыт, редко бывает бескровна.

С властью, даже несовершенной (совершенной она не может быть), сосуществование свободолюбивого духа возможно, с диктатурой — никогда. За три неполных долукашенковских года (1991-1994) национального возрождения творческая интеллигенция Беларуси сотрудничала с властью, успела посеять доброе, вечное, белорусское в юные души.

В школах подростки выпускают рукописные антипрезидентские газеты, собирают и размножают карикатуры "бабки". В институтах студенты зачитываются нелегальной литературой, освистывают президентских миссионеров, срочно создающих "лукомол" (неокомсомол). На митингах милиция с особым старанием воспитывает дубинками молодых людей. Для защиты последние кладут в карман или рюкзачок камень (железяку)...

Коль родилась БОА, значит, были брошены полноценные семена, значит, существует реальная почва, значит, имеется база роста, значит, созревание освободительной идеи ускорил союз Белоруссии и России.

Из всего этого вытекает тревожная печаль.

25 мая 1997 года

Союз родился! А один из его отцов, президент Лукашенко, невесел. Отчего это?

Тяжелое рождение Устава Союза безошибочно свидетельствовало, что у партнеров нет общих целей, а есть личные намерения. Самоуверенному

Минску требовался Кремль как стартовая площадка для высшей орбиты. Прагматичной Москве требовался дешевый коридор в Европу. Москва своих целей добилась, Минск — нет.

Президент Лукашенко, потоптавшись по кремлевским коврам, вернулся в свою вотчину ущербным, потухшим. В таком душевном состоянии он обычно мастерит свое тонкое оружие — шантаж. Уже смастерил!

Выступая накануне подписания Устава в белорусском парламенте, Лукашенко как бы невзначай вставил, что на 1 января 1997 года Россия должна Белоруссии 820 миллионов долларов. Сумма названа впервой. Сумма несравнима с 230 миллионами долларов, которые Белоруссия задолжала России за газ и о которых Россия то и дело напоминает, грозя перекрыть краник. Теперь будут помалкивать.

Как набрался сумасшедший российской долг? А вот так. Мы, белорусы, охраняем западные границы России в Бресте. Наша лучшая в мире ПВО бережет от агрессора российское воздушное пространство от Смоленска до Екатеринбурга. Так что плати, брат, не надеясь на брачный союз.

Реакции московского "брата" на подобный прозаизм жизни пока не последовало. Шокирован? Считает и сравнивает, по чем газ, нефть, радар, перехватчик?.. Или вновь, как заведено, пошантажирует главным оружием — краником?

В затянувшейся объединительной игре объявлен антракт. Актеры спустились в реальную жизнь, полную ловушек. Может быть, главная из них — белорусская оппозиция, упрямо игнорируемая обоими президентами- "братьями" и так же упрямо отрицающая "неравноправный брак". Оппозиции удалось преодолеть внутренние разногласия и собраться в Минске на "Второй Конгресс демократических сил Белоруссии".

Объединенные очередным заседанием демократы приняли заявление, напоминающее листовку Североирландских боевиков: "Предлагаемый Союз с Россией ведет к потере суверенитета Белоруссии. Независимость Белоруссии является высшей ценностью, и мы будем отстаивать ее всеми средствами."

В боевом кличе есть трезвый взгляд в будущее: "Мы призываем мировое сообщество не придавать юридического значения договору о союзе Белоруссии и России, поскольку он в дальнейшем будет отменен законными органами власти Республики Беларусь."

Не менее ультимативно письмо известных в Белоруссии деятелей культуры, направленное ими лично Б.Ельцину. Вот яростный фрагментик: "Режим Лукашенко реально угрожает стабильности и безопасности в регионе, основам демократического развития соседних государств, в том числе России. На Вас как президенте единственной в мире страны, поддержавшей переворот в Белоруссии, лежит персональная ответственность за репрессии и издевательства над личностью в нашем государстве."

Вот резюме: "Только после возобновления демократии в Беларуси можно вести переговоры о дальнейшей интеграции с Россией. Белорусские демократические силы будут добиваться международного непризнания и активно противодействовать аннексии Беларуси."

Напрасный гнев! На грозные предупреждения Ельцин уже отреагировал. По-чиновничьи дальновидно. Применил метод формального решения проблемы, продиктовав в Устав Фразу о необходимости соблюдения странами-союзницами прав человека и свободы слова.

Правильная Фраза вставлена. Персональная ответственность снята на все времена, нынешние и будущие.

Непонятный Союз родился. За уродца никто не отвечает.

16 июня 1997 года

В Бресте три дня при хорошей погоде и в лирическом настрое проходила первая сессия парламентского собрания союза Белоруссии и России.

Если точнее, то сессия была не первая, а пятая, поскольку у союза есть годичная история под названием содружество, и парламентарии обеих стран уже четырежды объединялись. А если сказать прямо, то эта сессия (первая-пятая) была не сессия, а праздник души. И вызывает восхищение тот факт, что в коротенькие перерывы между экскурсиями по передовым колхозам и природным достопримечательностям, между хлебом-солью в трудовых коллективах белорусские и российские депутаты успели рассмотреть 17 вопросов повестки дня, избрать руководящие органы, принять несколько "модельных законов" (рекомендаций для парламентов союзных стран).

Удивительная работоспособность нынешних союзных депутатов — это первое заметное следствие эффективности объединения реставраторов Советского Союза, при котором, как известно, депутаты работали очень дружно, единодушно, послушно.

Никто не скрывал на праздничной сессии главной цели—возрождение "могучей союзной державы". Председатель парламентского собрания Г.Селезнев не только не скрывал, а вызывающе подчеркивал, что впереди у всех нас — "единое общее государство".

Для заявления о главной цели депутаты-интеграсты избрали Брест как "символ единства народов Советского Союза в справедливой войне" и как символ "последних метров союзной земли", возле которого притаился еще один символ — беловежские Вискули, проклятый символ "исторической ошибки по развалу великой страны". Символично, что именно в Вискулях сессия в едином порыве приняла решение о восстановлении в качестве

гимна нового союза мелодии гимна старого союза (слова решено обновить, сессия объявила творческий конкурс).

Единственным сдерживающим фактором неумного порыва депутатов-символистов был на сессии белорусский президент А.Лукашенко, он же председатель Высшего совета союза. Присутствуя в обоих своих ипостасях, он услышал в свой адрес множество комплиментов "за выдающиеся заслуги в деле интеграции". Он выступил и огорошил собравшихся резкими обвинениями правительства России, подрывающего союз так же, как оно подрывало содружество. "Подковерная борьба" в этом злостном правительстве привела к тому, что в Белоруссию не поступили российские алмазы, долги, кредиты. Некоторым лицам в правительстве России начхать на решение предыдущей (четвертой) сессии парламентского собрания о выделении Белоруссии одного триллиона рублей из госбюджета России, начхать на союз. И если так пойдет дальше, то придется пожаловаться Б.Ельцину, который, несомненно, во всем нас поддержит. Лукашенко призвал депутатов не торопиться к новым формам объединения, а наполнить конкретикой те формы, которые уже имеются.

Выступление Лукашенко совсем прояснило цели союза, точнее корыстные цели Белоруссии в союзе. Нужны деньги, деньги, деньги. Российские. Нужно пространство для сбыта. Российское. Белоруссия ищет в союзе спасения от экономического краха. Вот данные председателя теневого правительства Г.Карпенко. За четыре месяца 1997 года цены на промышленную продукцию выросли в Белоруссии на 69 процентов (Россия — 18, Казахстан — 19, Украина — 10). Цены на продовольственные товары поднялись в Белоруссии на 28,6 процента (Россия — 7, Казахстан — 4,7, Украина — 6). В Белоруссии самый высокий в СНГ прирост цен на бытовые

услуги, на стройматериалы и самое стремительное падение зарплаты (в Украине и Казахстане она даже растет).

Прозрачный эгоизм Лукашенко, устремленный в собственное будущее, не отрезвил депутатов, спяянных призраками "братского" прошлого. Следующую союзную сессию они решили провести тоже "на краешке союза" — в Калининграде. Что говорит о том, что подобные экскурсионные вылазки им приятны.

27 июня 1997 года

23 июня во второй половине дня в Белоруссию из Волынской области Украины ворвался ураган. Широкой полосой пропахал Брестскую, Минскую, Витебскую области и в Псковской области России испустил свой поганый дух.

700 километров убийца промчался за пять часов. Чтобы разрушить деревню и повалить вокруг нее леса и посевы, ему требовалось несколько минут. Он изуродовал свыше 650 белорусских деревень, убил 5 человек, завалил деревьями сотни километров дорог, порвал электропровода и линии связи, разметал подстанции, водонапорные башни, стога, комбайны...

Днем было темно, как ночью. С неба падали куски льда и потоки воды. По улицам с бешеной скоростью летали ошметья шифера, калеча людей, разбивая легковые автомобили. Чтобы спастись, люди залезали в погреба и там молились.

На следующий день президент А.Лукашенко, отдыхающий в Сочи, прислал в страну телеграмму, в которой сообщил о вчерашнем урагане, выразил сочувствие пострадавшим, потребовал от подчиненных принять меры.

Из Сочи президент полетел не домой, где случилась беда, а в Краснодар, где вновь пожаловался на Москву, срывающую союзные договоренности. А в

это время, когда кубанские казаки орали Лукашенко "любо!", Москва командировала в Беларусь своего министра по чрезвычайным ситуациям С.Шойгу. Изучив ситуацию на месте, россияне пообещали помощь в виде восстановления энергоснабжения. Белорусский министр-чрезвычайщик И.Кеник поблагодарил и чванливо заявил, что Беларусь "не имеет намерения обращаться за поддержкой к мировому сообществу, потому что масштабы бедствия не столь велики и у нас достаточно специалистов, чтобы справиться с ним собственными силами."

Ущерб хозяйственному комплексу оценен в 1 триллион белорусских рублей. Такой свободной суммой государство не располагает. На восстановительные работы Совмин выделил всего 14 миллиардов (позже чуть добавил), их хватит только на командировочные расходы специалистам и добровольцам, работающим в районах бедствия. Руководство страны не знает, где взять деньги на ремонт девяти тысяч домов, на помощь дачникам, потерявшим свои сарайчики, теплички, грядки и лишившимся единственного источника пропитания.

Прилетев на четвертый день после катастрофы, президент увидел "разрушенные деревни и улыбки на лицах людей, благодаривших власть за помощь". Местные руководители, из тех, конечно, кто почестнее да посмелее, советуют людям не ждать государственной милости, а самовосстанавливаться. В чем советский народ убежден на века.

Деньги, отложенные, как говорят, на смерть, идут сейчас на шифер. Шифер раскуплен во всех магазинах и стал дефицитом. Жилище кроют подручными материалами. Больно смотреть на эти нищие заплатки. Стыдно слышать президентские откровения типа: хорошо, что упали старые дома, государство построит новые.

Больно и стыдно видеть, как деревенские старики пилят поваленные деревья, подпирают заборы. В то время как четыре тысячи отборных молодцов в форме с утра до вечера бьют обувь на плацу Минского гарнизона, готовясь к военному параду. Третьего июля впервые будет отмечено как День республики — день победы президента на прошлогоднем референдуме. Видимо, почувствовав недовольство народа этим пиром во время чумы, президент пообещал к 3 июля отремонтировать все разрушенное жилье. Затем, поняв нереальность обещания, уточнил, что обязательно поставит новые крыши.

Совмин объявил субботник, чтобы, дескать, заработанные средства перечислить в фонд помощи пострадавшим. А ведь пострадавшие — почти все, то ли сами, то ли родственники. Кому идти на субботник? Люди ждали субботу, чтобы ремонтировать свои дома либо помогать близким, а их заставили участвовать в очередном демагогическом мероприятии государства. Стремясь подчинить себе вся и все, это государство уничтожило у себя международные гуманитарные фонды (вот откуда пришла бы немедленная помощь), парализовало страховой бизнес (вот откуда забил бы восстановительный источник). Нелепость ураганного субботника была настолько очевидной, что некоторые руководители коллективов постеснялись держать людей на рабочих местах и на свой страх и риск отпустили туда, куда они рвались,— в зону беды.

11 июля 1997 года

В трехлетней гражданской войне со средствами массовой информации 7 июля президентский фронт одержал очередную победу. Лишен аккредитации при белорусском МИДе собственный корреспондент общественного российского телевидения П. Шеремет.

За что последовала столь жестокая кара? За то, что в репортажах журналиста "систематически допускаются намеренные искажения информации о событиях в Республике Беларусь, оскорбительные для чувств всего белорусского народа". А конкретнее? Идеолог президентской администрации дал толкование приговора. Во-первых, корреспондент назвал 3 июля днем независимости, придуманным президентом Лукашенко, хотя решение о переносе главного государственного праздника, как известно, принял на референдуме народ. (Но мысль о совмещении дня независимости с днем освобождения от фашистских захватчиков 3 июля 1944 года впервые высказал действительно Лукашенко, что зафиксировано в газетах.) Во-вторых, корреспондент посчитал причиной проведения "ураганного субботника" недостаток в стране средств для ликвидации последствий стихии, хотя на самом деле это патриотический почин трудящихся. (Но средств действительно не хватает, стройматериалы по директиве сверху завозятся на места без оплаты, деньги обещаны после того, как будут изысканы и выделены.)

Журналист не искажил факты, а показал их в образной формулировке. Его обвинили в том, что покорно не следует в кильватере официальной демагогии, а имеет и излагает собственное мнение. За то же самое, за наличие собственного взгляда, из Беларуси изгнаны собкоры НТВ и РТР, уволены редакторы центральных государственных газет, избиты дубинками, оштрафованы, арестованы десятки журналистов, белорусских и иностранных. Гражданской войне с инакомыслием в Белоруссии 10 июля 1997 года исполнилось 3 года — столько находится на посту президент А.Лукашенко. К трехлетней годовщине президентства и войны сотрудники белорусского телевидения создали и показали фильм, который засвидетельствовал мессианство президента и деградацию журналистики.

В условиях затяжной борьбы ожесточение уравнивает обе сражающиеся стороны, не выделяя победителей. Что, к примеру, получил президент, два года назад незаконно уволив главного редактора парламентской "Народной газеты" И.Середича, использовав как формальный повод допущенную им профессиональную ошибку? Получил своего двойника, копирующего стиль, фразеологию президента. Сейчас в Беларуси как бы два Лукашенко, одного зовут Александр Григорьевич, другого — Иосиф Павлович. Оба апеллируют исключительно к народу, не замечая конкретных людей и обстоятельств, у обоих в ходу высокопарное: "Дорогие соотечественники!" Первый пребывает в постоянной боевой готовности к "пакостям" журналистов, а потому в страхе, беспощадно, по второму кругу меняет недоходуйствовавших редакторов (Н.Галко, "Народная газета"). Второй создал газету под революционной шапкой "Народная воля" и непрерывно бомбит президента убойными камнями личной обиды и крайних эмоций. Большевизация лишает газету фактов, анализа, профессионализма. В качестве пламенных публицистов выступают "выпускники президентской администрации", как называют в Белоруссии бывших соратников Лукашенко, приведших его к власти, а затем либо недослуживших, либо переумничавших и по этим причинам изгнанных и примкнувших к оппозиции. Их, на беду, слишком много для узкого круга политиков. В их роковой борьбе за утраченную власть предводительствует ненависть. Их письменные опусы разрушают основы журналистской профессии и делают немногочисленную оппозиционную прессу некачественной. То есть ставят на один уровень с прессой, подконтрольной президенту, некачественной по причине раболепия, безмыслия.

Будущие историки, изучая сегодняшние белорусские газеты в поисках конкретики эпохи Лукашенко, обнаружат сплошные страсти. Предметнее по

части освещения указанной эпохи будут выглядеть иностранные СМИ, фиксирующие о современной Беларуси факты. Если, конечно, сегодня не вышлют всех иностранных корреспондентов и если Черномырдин и Немцов и впрям, как заявили, помогут нам, российским журналистам в Беларуси. Пока же механизм московской помощи изобретается, белорусский чиновник из близкого окружения президента ответил "господам Черномырдину и Немцову", что, согласно новому Союзу, Белоруссия вам не губерния и что не надо вмешиваться во внутренние дела суверенного государства.

7 июля 1997 года

1 июля в автокатастрофе у города Кобрина погибли четверо детей. Им было от восьми до двенадцати лет.

В автобусе, перевернувшемся в кювет на скорости свыше 90 километров в час, ехал 71 ребенок. Все получили травмы. У многих переломы. Трое в реанимации. Психическое потрясение у каждого останется навсегда. Жуткий коллективный крик из покореженного автобуса, лежавшего на боку, потряс очевидцев.

Дети ехали по маршруту Гомель-Брест-Варшава-Берлин-Брюссель. Колонна из четырех двухэтажных автобусов, набитых щебечущими пассажирами, двигалась без сопровождения ГАИ. Смертельный автобус шел первым.

В дальний путь маленькие пассажиры отправились за здоровьем, потерянным на родине по причине Чернобыля. Их так и называют, грубо и нелепо — "дети Чернобыля". В десятиmillionной Беларуси их от полутора до двух миллионов. Почему нет точной цифры? Потому что нет единой методики учета и лечения. Нет единственно верного, гуманного, свободного от политики и экономики критерия оценки их здоровья.

С наступлением лета "детей Чернобыля" наподобие цыплят везут почти во все страны Европы на "оздоровление" (устоявшаяся терминология). Через месяц, пожив в тамошних семьях, поев чистых от радионуклидов продуктов, получив подарки, они возвращаются в государство, не имеющее возможности лечить их по-человечески.

Те семьи, которым удалось отправить больного ребенка за границу хоть на короткое, совсем не лечебное время, считаются в Белоруссии счастливыми. Несмотря на пережитый детьми стресс от увиденного рая и разлуку с родителями. Счастливчиков набирается за лето до ста тысяч (точного учета нет). Заграничным оздоровлением занимаются общественные фонды. Государственная медицина придерживается концепции "оздоровления детей Чернобыля в привычных условиях", то есть в пионерских лагерях. Так дешевле.

Шикарный автобус "Неоплан", не довезший ребят до европейского счастья, общественники наняли у бельгийской транспортной фирмы. За рулем находился шофер-бельгиец. Автотрасса Брест-Минск, где случилась трагедия, с односторонним движением, с хорошим обзором, без крутых поворотов. Правда, сплошь в заплатках. На асфальте во множестве мелкие впадины и колеи, где собираются дождевые лужицы, скользкие как масло. В роковой час шел ливень, и, возможно, 57-летний бельгийский водитель, привыкший к нормальному покрытию родных дорог, не учел коварства дорог наших. Возбуждено уголовное дело. Специалисты проводят расследование. Надо бы подождать с выводами, но...

Политики свою корысть из горя извлекли мгновенно. Глядите, что происходит, когда детьми Чернобыля занимаются общественники! Государству нужно брать ответственное дело оздоровления в свои руки, как взяли гуманитарную помощь. Так заявил политизированный чиновник,

побывавший на месте катастрофы. И это катастрофично, когда государство все прибирает к своим рукам.

Поступление гуманитарной помощи "чернобыльцам" резко сократилось после декрета президента, обязавшего растаможивать, оприходовать, сдавать госструктурам все гуманитарные грузы. Для чего при президенте возник очередной паразит — "департамент по гуманитарной помощи". Чтобы утвердиться, ему требуется разрушить эффективную систему общественных фондов, союзов, объединений. Она разрушается оперативно — ревизиями, штрафами, налогами, обвинениями. После катастрофы под Кобрином сие ожидает детские фонды, которых в республике свыше двадцати и которые добывают детишкам сотни тонн лекарств и витаминов. В руки госчиновников их никто не даст. Сердобольные иностранцы, собрав на свои деньги посылки, хотят сами вручить их в руки детей. Государство с привычным цинизмом отталкивает слабые детские ручки.

Четыре дня и четыре ночи в Минске веселились администрация, вертикаль, приближенные, внушаемые, устроив непрекращающийся карнавал из дня независимости, 930-летия Минска, дня освобождения от фашистов в 1944 году, современных побед президента, военного парада, пивных соревнований, морского (?) антуража, бразильских (?) ритмов, испорченных микрофонов... На "минский ураган" потрачено не меньше, чем на ликвидацию разрушений недавнего урагана-смерча.

В бездумный карнавальный час и похоронены четверо непоживших граждан Белоруссии, вынужденных искать будущее вдали от дома. Страна не отменила пляски, не заметила собственной трагедии, не почтила в трауре маленьких мучеников бесконечно-переходного периода.

Их звали: Максим Дрожжи, Света Ломонос, Дима Назарчук, Егор Федоров. Язык не поворачивается назвать их детьми Чернобыля, так же, как

и детьми страны. Они были детьми своих несчастных родителей и сиротами своего государства. Одна девочка, три мальчика. Четыре неперелетных птенца Белоруссии.

20 июля 1997 года

Учащиеся Белорусского гуманитарного лицея (Минск) прервали летние каникулы, чтобы защитить свое здание от президента. Им помогают родители. Четверо защитников арестованы.

Долгожданное лето пропало у детишек потому, что А.Лукашенко распорядился передать в "оперативное" подчинение Управлению делами президента еще 22 здания Минска : Белорусский гуманитарный лицей, Дом литератора, Дом учителя, Дом технического творчества молодежи, республиканскую станцию юных техников...

Уникальные здания, расположенные в центре столицы, пополнили длинный список объектов различной ведомственной принадлежности, явочным порядком прихваченных президентской хозслужбой. Кроме лучших архитектурных сооружений, могущественное ведомство завладело дееспособными строительными фирмами, фабриками художественных изделий, совхозами, гостиницами, магазинами, заповедниками. Через единое таможенное пространство оно залило Россию эшелонами заграничной водки, подмочив бюджет союзной страны (помните, как по этому поводу Б.Ельцин вскричал "караул!").

В "империи Титенкова" (фамилия управляющего делами президента) прокручиваются суммы, сопоставимые с годовым бюджетом Белоруссии. Распоряжается огромными деньгами президент: то кинет на спорт, то одарит минских кавээнщиков, то отвалит на славянский фестиваль, то пожалеет детсад в черновыльскай зоне, преподнесет телевизор... Львиная же

доля, никому в государстве не подотчетная, никем в обществе не учитываемая, лежит где-то в качестве НЗ как материальная защита режима (и его вдохновителей) в случае непредвиденных обстоятельств.

Через безраздельное обладание имуществом завхоз страны решил приобрести в собственность души детей и творческой интеллигенции. Как это сделать? Забрать "с целью повышения эффективности использования государственной собственности и обеспечения органов государственного управления необходимыми помещениями" объекты образования, воспитания, национальной культуры. Установить там порядки, не свойственные учреждениям такого типа. Тот же Белорусский гуманитарный лицей — единственное в стране учебное заведение, где преподавание ведется на белорусском языке. Не лицей, а белая ворона. Уровень преподавания столь высок, что почти все выпускники поступают в ВУЗы. Всесторонние таланты белорусскоязычных учеников настолько очевидны, насколько опасны для государства, взявшего курс на ликвидацию национальных признаков Белоруссии. На верху этого государства решено: в здании опасного лицея поселить верноподданных чиновников либо вежливых иностранных дипломатов. А куда лицей? Переместить куда-нибудь подальше от вокзала, чтобы способные ученики из провинции не смогли быстро добраться на уроки и отсеялись. Чтобы разладить учебный процесс. И в конце концов — прекратить производство национально ориентированных молодых людей.

В лицее создан "комитет спасения", куда вошли преподаватели, родители, ученики. Поскольку высказывать иную, нежели официальная, мысль в Белоруссии запрещено, комитетчики проявляют изобретательность. Скажем, сочинять и носить лозунги без утверждения в горисполкоме их содержания и маршрута проноса — нельзя. Выкрикивать — нельзя. А что

можно? То, что пока не запрещено: взять в руки учебники, географические карты, глобусы и в траурном молчании ходить вокруг своей школы.

Пройти вокруг лицея помешала милиция. Защитники пошли по тротуару вокруг квартала. Появились стриженные парни, стали хватать. Детей не трогали. Выхватывали из пешей цепочки мужчин, тут же, на глазах детей, били в кровь, заталкивали в машину. Дети при этом кричали.

Писатели, решив тоже побороться, действовали традиционно: срочно собрались на президиум и заявили, что Дом литератора не отдадут. Поэт Г.Буравкин напомнил президентскому хозяйственнику, прибывшему на президиум, что писательский дом построен на деньги Литфонда СССР и что сам Машеров двадцать лет назад передал его в собственность Союза писателей. Поэт Н.Гилевич выразил самую суть: власть намерена парализовать работу Дома литератора как общественного и культурного центра Белоруссии. И резюмировал так: выбросить нас отсюда власть сможет лишь с помощью омона.

28 июля 1997 года

Арестованы три сотрудника Белорусского бюро Общественного российского телевидения.

Все трое принудительно доставлены на белорусско-литовскую границу, которую несколько дней назад якобы пересекали туда-сюда без разрешения. Тогда их тоже задержали. Составили протокол, изъяли отснятый материал, отпустили. Затем журналисты показали по ОРТ потешный сюжет о том, как легко попасть из Белоруссии в Литву, если знать лесные тропинки либо заблудиться.

Пограничники, литовские и белорусские, обиделись, что их выставили в смешном виде. К службе они относятся серьезно, провели демаркацию,

недавно вкопали первый столб, применяют всяческие технические изюминки, чтобы граница была на замке. Откровенный телесюжет задел честь ихних мундиров. Литовские стражи попросили белорусских разобраться, каким образом и с какой целью три человека тайно проникли на территорию Литвы из сопредельного государства.

Эти три человека теперь подробно рассказывают и показывают в натуре, как "нарушали." Проводится следственный эксперимент. Командир всех белорусских пограничников по телевидению сказал, что действия троих сотрудников ОРТ походят на "предварительный сговор" с целью незаконного пересечения госграницы. За что, по закону Белоруссии, положено до пяти лет тюрьмы. С конфискацией имущества.

Как говорится, шутки в сторону. Журналистам действительно могут предъявить суровое обвинение. Проводить репортерские эксперименты, "менять профессию" и инкогнито собирать материал, высмеивать, расшатывать и валить гнилые заборы государства — это небезопасно даже в свободных обществах, а в Белоруссии воспринимается трижды неадекватно, с убойной судорогой. Режим хочет выглядеть во всех отношениях безупречно. Война за имидж власти обещает быть беспощадной.

Организатор телевизионной группы, экспериментирующей на себе, молодой заведующий бюро ОРТ П.Шеремет работал в командировке на границу, уже будучи лишенным аккредитации при белорусском МИДе. Это запрещено свеженьким положением Совмина об иностранных корреспондентах. Запрещено представлять в Белоруссии более одного "чужого" СМИ. Запрещено работать по совместительству собкором зарубежной газеты (телевидения, радио), если ты состоишь на штатной работе в СМИ Белоруссии. Запрещено, понятно, посягать "на нравственность, честь и достоинство граждан и должностных лиц

государства". Что касается президента, то запрещено распространять сведения, "порочащие его деловую репутацию." Всем чужестранным корреспондентам через два месяца предстоит процедура переаккредитации с подачей справок о себе и родном СМИ.

Имидж важнее сути. Для власти. В борьбе за собственный лоск она, несомненно, будет продолжать разрушать имидж журналистики как самостоятельной профессии. Президент давно и убежденно говорит о журналистах-критиках как об "агентах ЦРУ" либо "купленных определенными силами". Президент дает пищу для язвительных комментариев. Журналисты частенько перебирают, особенно молодые, предпочитающие оттачивать зубки (перья) непременно на крепком орешке, на президенте (я бы спрятал его от них, как от детей прячут спички). Скажем, обсуждают цвет президентской косички, в то время как это неважно, неактуально. Или в газете называют его "совхозным паханом", что, конечно, бездоказательно, грубо, обидно.

Журналисты дают президенту повод для ответных мер. Для материализации обид президент создал крепкий аппарат. Не играйте с огнем, коллеги. Ведь трое уже доигрались. Ежику, безусловно, понятно, что никакого "предварительного сговора" у них не было, что никаких "технических секретов границы" они не разведывали, а по максимуму выполняли профессиональный журналистский долг, доискиваясь до сути.

Этого ежика вчера я видел на асфальте раздавленным.

1 августа 1997 года

Сотрудники общественного российского телевидения П.Шерemet, Д.Завадский, Я.Овчинников помещены в следственный изолятор в Гродно. Им предъявлено обвинение в незаконном переходе государственной границы

по предварительному сговору. Уголовный кодекс уготовил перспективу пятилетнего тюремного заключения.

Они содержатся по отдельности друг от друга, в общих камерах. Свидания с родными запрещены. Допросы, обыски, очные ставки и прочие мероприятия ведут специалисты КГБ и контрразведки. Уголовное дело разворачивается по двум версиям: 1. Групповое пересечение белорусско-литовской границы с целью провокации и последующего международного скандала; 2. Шпионаж, разведка на границе секретных технических средств. "Есть факты, что Павел Шеремет сотрудничал со спецслужбами, и есть документы, которые свидетельствуют, что он получал за это вознаграждение," — сказал президент Лукашенко, активно подключившийся к делу.

Базируясь на двух первых версиях, президент разрабатывает третью. Отправной тезис: арестованные — не российские журналисты, а граждане Белоруссии, завербованные "определенными силами" России, не заинтересованными в союзе и развязавшими против Белоруссии и лично президента-интегратора "информационную бойню".

Лукашенко пообещал дать объяснения Ельцину, но прежде Ельцин должен объяснить всему белорусскому народу хамское поведение российских телеканалов. Пусть Ельцин ответит, почему СМИ его страны нанимают в Белоруссии представителей оппозиции. Пусть скажет, когда наведет порядок со своими средствами массовой информации, а не слушает Чубайса, который "провалил все договоренности, достигнутые президентами двух стран, и теперь пробует уклониться от ответственности, подставляя президента Белоруссии."

Б.Ельцин, как телезрители слышали, сказал свою партию громко. Как настоящий старший брат. Может быть, и топал ногами (телеоператор не показал). В Белоруссии топот уловили и выказали обиду, характерную для

самолюбивого младшего брата. Прессслужба президента и другие официальные лица хором ответили, что кончилось то время, когда Кремль повышал на нас голос. И что не надо замахиваться на наш суверенитет. И что "единичный факт с Шереметом" не заслуживает того, чтобы плохо повлиять на судьбы миллионов людей, связавших свои надежды с новым союзом. Тем более что задержание корреспондентов не нарушает устав. Надо крепить и развивать союз, а с "частными лицами", нарушившими закон, разберется суд. Официальные власти Белоруссии не будут вмешиваться, потому что мы правовое государство.

Но ведь вмешались! Довели до уголовщины профессиональный журналистский эксперимент (рискованный, конечно) по разведке и обнародованию скрытых от общества фактов. В данном случае — фактов контрабандной прозрачности белорусско-литовской границы, что ведет к огромным экономическим потерям и что в Белоруссии замалчивается. Между прочим, косвенно подтвердил нерадостные выводы журналистского расследования на границе сам президент, только что уволив руководителя таможенного комитета и возложив еще больше обязанностей на пограничников.

Если бы ОРТ не показало пограничный телесюжет, в Белоруссии не обострилось бы пограничное состояние уязвленного гонора и старой мести корреспонденту. Если бы спецслужбы действительно намеревались арестовать "шпиона", то сделали бы это сразу, не выпустив его после первого задержания за пределы Беларуси (вторично Шеремет был задержан в аэропорту, по возвращении из Болгарии). Да и сам журналист, если бы понимал антигосударственную мотивацию своего "проступка", вряд ли вернулся бы на родину.

Здравый ум, не затуманенный пограничным состоянием, не сомневается, что арест телевизионной группы — политический акт государства, где преследуется свобода слова и ведется целенаправленная кампания по удушению независимой прессы. Где аппарат правосудия назначается президентом и перед ним отчитывается за проделанную работу.

В этой пессимистической истории есть два обнадеживающих фактора. Первый (по времени появления). Ельцин наконец увидел, с кем сочетался в союзе. Раньше не замечал? Не смотрел по телевизору, как в Минске регулярно бьют палками мирных демонстрантов? Не читал направленных ему писем известных деятелей культуры о том, что, признавая незаконный белорусский режим, заключая с ним союзный договор, он разделяет и будущую общую ответственность за действия этого режима? А сейчас все-таки прозрел — и так рассердился?

Второй оздоровляющий фактор союза — нетрадиционный поступок губернатора Калининградской области Л.Горбенко, предложившего Лукашенко воздержаться от запланированного визита до "урегулирования вопроса" с арестованными журналистами. Лукашенко, привыкший охмурять российские регионы коммунистической ностальгией (последний пример — Кубань), уже, как говорят, ступил на аэротрап, а тут щелчок по носу, телеграмма из Калининграда. Разве не оскорбительно, когда с тобой даже рыбу не хотят ловить вместе? Разве не красноречива официальная обструкция диктатору, зародившаяся на просторах России? Минские соратники Лукашенко мгновенно "догадались", что поведение Калининградского губернатора, отказавшего во встрече председателю Высшего совета союза, "спланировано более высокими лицами в Москве."

Ловлю момент великого российского прозрения. Борис Николаевич, напомните, пожалуйста, своим помощникам, что на ваше имя белорусские

журналисты направили еще одно письмо. В нем перечисляются факты преступлений против свободы в Беларуси, высказывается протест в связи с арестом телегруппы ОРТ, журналистское расследование которой показало, что "вопреки заявлениям властей, белорусские границы охраняются плохо." Тут вся суть: плохо работают, неэффективно тратят совместные (союзные) деньги на охрану границы и хотят от вас, Борис Николаевич, скрыть, навесить на журналистов.

Белорусские границы — это, по уставу союза, и российские границы. Пределы у Белоруссии и России общие. Общий и беспредел, мобилизующий дотошных журналистов в качестве камикадзе прикрывать тела, души и даже пятки бездельников, взяточников, воров, политических и экономических авантюристов и прочих неуловимых и многократных переходников из социализма в капитализм и обратно.

7 сентября 1997 года

Главный "опер" Белоруссии, он же президент, доложил, что "на сегодняшний день в следственном изоляторе нет ни граждан России, ни российских журналистов". Сидит только Павел Шеремет.

Данным сообщением прозрачно намекается заткнуться всем, кто возмущается якобы преследованиями свободного слова и нарушением союзного договора. Отныне у них нет почвы. Непутевые, малолетние, подставленные российские граждане-журналисты в количестве четырех (так называемая группа Адамчука, шедшая по следам Шеремета и арестованная белорусскими спецслужбами) либо выдворены, либо написали покаянные прошения белорусскому батюшке, либо переданы на довоспитание женам и Г.Селезневу.

П.Шеремета как гражданина Белоруссии и "бывшего корреспондента ОРТ", предусмотрительно лишённого аккредитации при МИД РБ, правомочна судить исключительно белорусская сторона. Тем более что "оперативные данные показывают, что этот человек совсем не такой простой, как нам казалось". В ходе следствия по его делу открылись новые обстоятельства, "аж до возможного участия в подготовке покушения на президента Республики Беларусь".

Что тут возразишь? Надо уважать правовое государство. Коль открылось "множество интересных моментов" уголовного дела, требуется дождаться их расследования. Надо действительно заткнуться. Не возбраняется лишь подыграть, как А.Любимов из ОРТ. Закатить глазки и патетически воскликнуть: "Почему все набросились на Лукашенко?" Давить же, даже мягко, как Е.Примаков, по поручению Б.Ельцина прилетавший в Минск освобождать российских журналистов и улетевший ни с чем, — это не пройдет. Как не проходит к успеху Б.Ельцин, продолжающий гневно требовать "снять проблему" с журналистами, "чтобы сохранить наши союзнические отношения."

Б.Н. как главный освободитель журналистов из белорусского плена увяз, А.Г. это прекрасно понимает и подсказывает Б.Н. спасительный выход. Выход стандартный в современных делах о журналистах-заложниках. Теперь их просто так не хватают и не возвращают. Ни в Чечне, ни в Белоруссии. Сколько заплачено за тележурналистов в Чечне, общественности точно не известно. Сколько следует заплатить за П.Шеремета, известно с точностью до рубля. То есть доллара.

В последние дни А.Лукашенко на каждом шагу напоминает о российских долгах. Дело журналистов, по его образному выражению, ему "обрыдло", лучше-де поговорим о долгах. Россия требует от Беларуси 200 миллионов

долларов за энергоносители, регулярно угрожая отключить газ. Россия большая, а память у нее короткая. Обещала дать деньги на обустройство совместной (союзной) западной границы — не дала. Намеревалась платить белорусским войскам ПВО за охрану российской воздушной границы — не платит. Надо платить, а не болтать о союзе и братстве.

Итого, пограничный долг России — 1 миллиард долларов. Заплатите или нет?!

Пограничный сюжет подошел к логическому концу. Тонущему в экономическом болоте белорусскому режиму нужна последняя соломинка — российская.

"Дело о журналистах ОРТ", попетляв между "заговорами", "провокациями", "инсинуациями", вышло на финишную прямую к цели — к деньгам. К кошельку Б.Ельцина. Платите, Б.Н., иначе новейшие обстоятельства откроют тоннель из Кремля в Дрозды, к даче А.Г., а в тоннеле обнаружится группа лиц из вашего окружения, человек этак двадцать, под предводительством все того же Павла Шеремета.

15 сентября 1997 года

В Минске подорвано здание суда. Взрыв прогремел рано утром, когда рабочий день еще не начался. Никто не пострадал.

Следовательно, террорист был явно не убийца. Однако был профессионал взрывного дела. Бомбу заводского изготовления заложил снаружи здания, в вентиляционное отверстие. Рвануло сильно, дыра в стене огромная, оконного стекла повылетало немало.

Создана оперативно-следственная группа, пока милицейская. Но делом активно интересуется КГБ. Данное ведомство, как известно, любит заниматься гибридами уголовщины и политиканства.

В день взрыва неизвестный мужчина позвонил в редакции независимых газет "Имя" и "Свобода" и на хорошем белорусском языке сообщил, что ответственность за теракт берет на себя "Белорусская освободительная армия" (БОА). Мотивы были изложены в записке, подброшенной в "Свободу". Записка сочинена по-белорусски. Излагались следующие требования: "Возобновить действие Конституции 1994 года. Прекратить судебные преследования по политическим мотивам. Свободу Павлу Шеремету." Так называемое последнее предупреждение получили "прислужники режима Лукашенко": "За антизаконные действия они будут наказаны персонально."

"БОА" заявляет о себе не впервой. Вспомним весенний, от 30 апреля с.г., взрыв, когда разворотило российский газопровод под Уздой. Тогда "БОА" заявила, что взорвала трубу в знак протеста против "захватнической" политики России под флагом нового союза. Кто же совершил вредительство на самом деле — осталось неясно. Следователи до сих пор ничего конкретного не сообщили. Может быть, поторопятся сейчас, после предупреждения белорусскому правосудию?

Подорванное двухэтажное здание печально знаменито. Здесь обычно рассматриваются административные дела по фактам несанкционированных властью митингов, пикетов, шествий. Здесь демонстрантам дают по 5 суток тюрьмы либо карают разорительными штрафами.

В тухлявом особняке по Логойскому тракту политика и смешивается с уголовщиной — в результате в белорусском обществе систематически возникают "шпионы", "нарушители границы", "террористы", "стрелки в президента". Чтобы их было больше и больше, требуются взрывы. Нужен фронт работ для несчетно расплодившихся силовых структур. Они и сами давно взорвали бы этот гнилой суд, если бы это не сделала "БОА". То есть мы плавно перешли ко второй версии минского осеннего теракта.

21 сентября 1997 года

15 сентября Белоруссия ввела новые таможенные правила, проигнорировав то обстоятельство, что граница — союзная. Что и привело к массовому бунту на польско-белорусском пограничном переходе.

Отныне, выезжая через Белоруссию за импортным товаром с целью его последующей перепродажи, гражданин-челнок обязан, еще не купив товар, оплатить за него таможенную пошлину. Это называется внести таможенный залог. Внести приблизительно. Однако в твердой валюте. Если по возвращении выяснится, что залог превысил стоимость реально ввозимых вещей, таможня обязуется вернуть лишне взятое (вопрос: вернут ли?). Если же ты недовнес, то предложат доплатить.

Без пошлины можно ввозить товара на сумму до 1 тысячи долларов. Но потребуются доказать, что сей товар предназначен для личного пользования и не является предметом спекуляции. Пример. Если у вас, гражданка-челнок, дома имеется муж и два сына-подростка, то вам вряд ли доказать, что три пары кроссовок, извлеченных таможенником из вашей сумки, предназначены им.

Нововведения на таможне — это новые унижения гражданина, будь он челнок, турист, командированный, санаторно озабоченный. Они добавят власти таможеннику, самолично решающему, что вам и вашим семейным одеть-обуть, а что перепродать, чтобы вам и вашим семейным не умереть с голода. Придется безропотно ждать, пока человек в яркой фуражке будет рыться в своих бумагах, в вашем багаже, затем думать, чесать под фуражкой, предлагать, намекать...

Не выдержав, первыми взбунтовались российские челноки. Они выезжали через Брест по старинке, еще до 15 сентября. Тогда их не предупредили, что въезжать придется по-новому, а встретив, устроили "шмон"

и потребовали деньги. Челноки платить отказались, заявив, что о новых пошлинах не знали и деньги истратили за границей. Неподчинение властям — это бунт.

Польским полицейским с трудом удастся удерживать эмоции россиян, призывающих сотоварищей по очереди штурмовать таможеню. Очередь представляет собой мощный пробойник — несколько десятков заполненных людьми и товаром автобусов. Белорусская таможня стоит словно Брестская крепость, камни которой видны на горизонте. Противостояние продолжается больше недели. У наступающих окончились еда и силы, а также "нет нервов". У обороняющихся всего вдоволь, за их спиной родина, они выполняют приказ Минска.

"А почему забыли о Москве? Почему Минск распоряжается на союзной границе?" — Так кричали разъяренные челноки и челночницы, превратившиеся в политиков. "А почему Москва ввела контроль на белорусско-российской границе?" — Вопросом на вопрос отвечали таможенники, которые тоже, как выяснилось, политически подкованы. "А вы арестовали Шеремета!" — "А вы разбомбили Чечню!"

Граница шумит. Народы ссорятся. Правителям сладостно. Человеку невыносимо. И скоро 21 век?

29 сентября 1997 года

Пошел третий месяц заключения собкора ОРТ по Белоруссии Павла Шеремета. По истечении двухмесячного срока, согласно закону, ему должны были предъявить обвинение и назначить суд. Если обвинения нет — человеку обязаны дать свободу. Он остался в тюрьме. Это означает, что "дело ОРТ" покинуло суверенные границы юриспруденции и пошло-поплелось по

политическим лабиринтам, где никого не интересует конкретная человеческая судьба.

Обвинять сотрудников ОРТ в "спланированной в Москве наглой провокации на границе" продолжает президент Белоруссии, защищать — президент России. При явно противоположных намерениях оба умудряются пользоваться размытым лексическим штампом: "мы договорились снять проблему." После штампа президент-прокурор с железом в голосе добавляет, что "только не надо топтать ногами!" А президент-адвокат с раздражением констатирует, что в мире еще такого не бывало, чтобы два президента договорились и не выполнили. Лука-видение (народное название БТ) констатировало, что президент России забыл о договоренности с президентом Белоруссии. Ну а Ельцин едко усмехнулся по поводу того, что Лукашенко "здесь недодумывает".

Наблюдать детские игры взрослых мужчин неловко. Но если играют президенты, то это кому-то нужно. Потому и заигрались, что обоим очень нужно. Ельцину жизненно необходимы бесплатный коридор в Европу, буфер к НАТО и суфлер-союзник по антинатовской риторике. У Лукашенко все для счастья есть, ему ничего больше не надо, кроме российских денег как оплаты за безликий коридор "Беларусь" (1 миллиард долларов, как он подсчитал). Высочайше вознесенные общественными волнами мужчины не говорят о вполне нормальных желаниях прямо, от имени и по поручению своих народов и государств, а взамен искренности создают бездействующие союзы, курируют "дело ОРТ", грубо и смешно пикируются по телевизору, посылают друг к другу толмачей.

В Минске побывали "друзья" Лукашенко, озабоченные вызволением российских журналистов, а именно: Селезнев и Примаков. Первому удалось освободить телевизионную группу в составе четырех человек, шедшую на

границу якобы "по следам Шеремета". Второму освободить Шеремета не удалось, хотя уголовные дела обеих групп однотипны. Не по той ли причине Примакова постигла неудача на белорусском фронте, что он действовал от имени Ельцина?

Минск в ожидании, пожалуй, "наилучшего друга" Лукашенко — Серова, вице-премьера РФ. Российский президент командировал его с той же целью — "снять проблему ОРТ". Серов, как помнится, порождал с Лукашенко молниеносный союз Белоруссии и России, который по причине скороспелости был отсрочен Ельциным на два месяца для "всенародного обсуждения", но все равно не дал плодов. Сотрудникам ОРТ выпала горькая судьба отвлекать внимание общества от бесплодия политиков.

Чтобы Павел Шеремет получил волю, Минск должен получить свое, а Москва свое (см. выше). При захвате заложников либо воюют, либо торгуются. Минск и Москва — бесконечно перебраниваются. Это самый бесплодный вариант. Торговля гуманнее политического лукавства. Павел Шеремет болен. Для собственного самосохранения политики безжалостно лишили молодого человека свободы, здоровья, семьи, работы, родины.

5 октября 1997 года

О том, как 2 октября 1997 года Ельцин Лукашенко в Липецк и Ярославль не пустил, надо бы печатать на странице сатиры и юмора. Если бы не одно обстоятельство: третий месяц в тюрьме ждет суда журналист Шеремет, вокруг которого все туже закручивается политический сюжет.

Оба президента наконец-то рассекретились. Администрация белорусского президента передала прессе телеграмму Ельцина, которую Лукашенко ждал в самолете 5 часов. Документ четкий, жесткий, красноречивый:

"Президенту Республики Беларусь А.Г.Лукашенко.

Александр Григорьевич!

Не возражаю против Вашей поездки в Ярославль и Липецк. Но только согласование со мной этого вопроса, как это принято в практике цивилизованных межгосударственных отношений, Вы неоправданно затянули. Договоримся на будущее: любые Ваши визиты как руководителя государства в Россию должны согласовываться лично со мной заранее.

Кроме того, разрешаю при условии, что вопрос с П.Шереметом будет решен сегодня, до Вашего вылета».

Пятичасовое томление в аэропорту невыносимо даже простому смертному пассажиру. Каково же, представьте, было пассажиру литерному! Счастье белорусского народа в том, что его президент не пострадал от взрыва собственных амбиций в личном самолете, которому закрыли российское небо. Впрочем, через день народ заимел возможность порадоваться за своего "батюку", неврежденного и целеустремленного.

На съезд в столице собрались лучшие представители народа, деятели, формирующие будущее, то есть, как вы уже догадались, учителя. 625 делегатов. Белорусское учительство в безликой массе своей произошло от электората Лукашенко. Перед голосованием он многое учителям обещал. Естественно, не выполнил. Нищее учительство объявляло предзабастовочное состояние. Для успокоения школе подбрасывали какие-то крохи, последний раз — перед съездом. Вот почему президент смело взлетел на трибуну съезда и дал волю распивавшим его чувствам, навеянными прерванным авиаполетом.

Российское телевидение издевается над белорусским народом, сообщил президент, но я не позволю. Разные березовские и гусинские мстят, что не пропускаю через границу их контрабанду.

"На московских телеканалах сидит стопроцентное жулье", — говорил президент, и учительская аудитория взрывалась одобрительными

аплодисментами. Они загнали Ельцина в угол, он вынужден им подчиняться, продолжал Лукашенко, но дружбу народов они не разорвут, за ней будущее, ведь мне 40, а Ельцину 80 (психологи квалифицируют сию речевую ошибку однозначно: оскорбление).

"Лица из окружения Ельцина" затеяли незаконное освобождение Шеремета, а он отказался от адвокатов. Лукашенко сообщил очередную новость. Учительство благодарно проглотило ложь (адвокатов Г.Погоняйло и М.Волчека власти под различными предлогами оттеснили от защиты журналиста). "Знаете, почему он отказался от адвокатов? — спросил Лукашенко и ответил, заранее зная реакцию электората. — Он из тюрьмы выходить не хочет!"

Сеятели юных душ весело засмеялись, продемонстрировав полный контакт с трибуном-шутником.

Над шутками диктатора смеются только нищие духом. Потерявшие собственное достоинство и ломающие тех, у кого оно живо. Многих учителей в общественном развитии переросли их нынешние ученики. Дети отказываются покупать школьные дневники с госсимволикой, вернувшейся в Белоруссию из развитого социализма, а учителя заставляют. Ученики рвутся на оппозиционные митинги, а наставники не выпускают из класса.

Политика в школьном классе не совершит много добра, но добро ли — конвейерное производство лакеев? Веселое учительство забыло, что ученики — в тюрьме. Полтора месяца за решеткой юноши Сережа Метельский и Вадим Лобкович за то, что якобы они ночью разукрасили центр города Столбцы антилукашенковскими надписями и на административных зданиях заменили государственные флаги национальными. В камере ребята объявляли голодовку. К ним не допускают матерей.

Учителя все знают — и ржут хором. Подзаряжают президента энергией, окрыляют грандиозными замыслами.

Влететь из Минска в Кремль под флагом союза Лукашенко не удалось, решил проложить обходный курс — через регионы России. В Тюмени произвел впечатление делового человека. В Краснодаре чуть не стал атаманом в походе казаков против "определенных лиц в Кремле, противоборствующих возрождению союза". В Калининграде получил первый отпор.

Можно ли было спрогнозировать цель антикремлевского "круглого стола" в Ярославле под дирижерством "руководителя союза" да с участием семи красных губернаторов? Ельцин спрогнозировал — и прервал политический полет Лукашенко в суверенном российском небе. В тот же день Ельцин организовал стол российским губернаторам в Нижнем Новгороде. Никто не вправе отказать ему в логичности.

Государственное начальство Белоруссии и подначальственная пресса стенают, что отмена официального визита Лукашенко в Липецк и Ярославль (следующий планировался в Псков) привела к "срыву интеграционных процессов". Неправда. Два моторных завода Ярославльской области и четыре автомобильных завода Белоруссии подписали "дизельную программу". Это сделали специалисты. Без суеты, риторики и Лукашенко. В Липецке прошли дни белорусской культуры. Без политики тоже плясалось, пелось, пилось, кушалось. До Белоруссии далеко, не было слышно запаха камеры, куда политика запрятала молодых людей.

11 октября 1997 года

В Могилеве убит руководитель областного отделения Комитета госконтроля, депутат парламента 38-летний Евгений Миколуцкий.

Взрывное устройство было заложено в мусоропровод на лестничной площадке и управлялось дистанционно. За жертвой велось наблюдение. Боеголовка от снаряда взорвалась в тот момент, когда Миколуцкий с женой проходили мимо. Он скончался по дороге в больницу, она в реанимации.

Похороны состоялись на следующий день, при участии А.Лукашенко. Убитый был приближенным к президенту чиновником, пользовался особым доверием как земляк и бесстрашный проводник его политики. У гроба покойного президент говорил в основном о себе. Сказал, что преступники долго к нему подбирались, но не вышло. Терактом в Могилеве они-де бросили вызов президенту. Он тут же, у гроба, вызов принял и поставил им ультиматум: сдаться через неделю.

Десять дней на покаяние Лукашенко отвел тем, "кто работает на почве грязной коммерции, всем нечестным предпринимателям и банкирам." Если не послушают, то "земля будет гореть у вас под ногами." Прочим современникам, допустившим "даже самое мелкое правонарушение", сообщено, что отныне это будет "каратся немедленно" и что порядок в стране будет наведен.

Чрезвычайные тезисы-угрозы президента на поспешных похоронах Е.Миколуцкого попытались смягчить по телевидению соратники. Намекали на президентский характер. Обещали, что борьба пойдет в рамках закона, честным людям нечего бояться, надо помочь президенту навести порядок, поддержать его декрет о дисциплине.

Карательный декрет опубликован в жанре проекта. Он состоит из санкций. Опоздал на работу — штраф. Гигантский! Неважно, что не ходят автобусы и у тебя нищая зарплата. Опоздал повторно — увольнение. Могут понизить оклад и должность. А коль уволили — на новой работе в течение года не получишь премию.

Декрет нарушает немало общепринятых норм о труде, возвращает в андроповские и лигачевские времена. Помните, в кинотеатрах устраивали облавы? А сколько виноградников вырубili в борьбе за трезвость! Нашлись белорусские директора, которые вспомнили ушедший идиотизм. Утверждают, что в результате андроповских мер эффективность производства выросла на 15 процентов. Надеются, что теперешний декрет вырастит еще больше.

В стремлении угодить президенту (или в страхе прослыть нелояльными) директора как бы не заметили, что декрет уничтожающе бьет по ним. Не выплатил рабочим зарплату в декретный срок — оштрафуют, уволят. Неважно, что президент довел страну до международной изоляции, до массового исхода инвесторов, до безденежья. Ответит директорский корпус. Ответит население, десять миллионов.

Хорошо, что в Белоруссии не растет виноградник! В новой кампании против зеленого змия нечего уничтожать. Однако на белорусской земле выросли руководители-самородки. К своему несчастью, как выяснилось. Скажем, семидесятитрехлетний Василий Старовойтов, дважды Герой Соцтруда, председатель знаменитого колхоза "Рассвет" имени К.Орловского. Пять лет назад он реформировал колхоз в закрытое акционерное общество, проводит там независимую политику, не бьет ладони на президентских посиделках, не допускает в хозяйство указующие директивы, как когда-то не допускал партийные.

Выступая с фиделевскими страстью и бесконечностью перед парламентариями, президент вспомнил о Старовойтове. Донесли, что в "Рассвете" не сжаты двадцать гектаров зерновых. (В.Старовойтов объяснил мне, что несколько гектаров замученной дождями пшеницы с клевером вперемешку решили убрать на корм скоту.) Не разобравшись, полыхая от могилевского "вызова", не смущаясь, президент прилюдно оскорбил

деревенского зубра и с трибуны приказал министру: "Снять с работы немедленно!"

Убийцы президентского контролера пока не найдены. Ради куража над ультиматумом президента они по телефону сообщили о заминировании здания налоговой инспекции, где работает вдова Миколуцкого. Саперы бомбу не нашли. Преступники гуляют. А земля белорусская директивно загорелась под ногами у того, кто ее всю жизнь обрабатывал, украшал, кто принес Белоруссии хлеб и славу.

Расправа над непокорным председателем акционерного общества "Рассвет" задумана громкая, на потеху электората, на устрашение руководителей всех рангов. Задушат "Рассвет" — установится беспросветная диктатура.

Василий Старовойтов не участвует в оппозиционном движении. Он сопротивляется режиму, упершись в свою землю. Главную опору у него выбивают. Упадет Старовойтов — рухнет голодная дистрофическая страна.

18 октября 1997 года

Белоруссия очутилась в "новых условиях", развернутых Лукашенко в связи с убийством две недели назад его земляка и друга, контролера и депутата Евгения Миколуцкого. Пятнисто-полевые патрули на городских тротуарах. Автоматы наизготовку. "Борьба с преступностью — это государственная политика." Полосатые шлагбаумы на дорогах. Засады в кустах и в подъездах. Заседания в резиденции президента. "Усилить!" "Ужесточить!" Генпрокурор "на ковре". Два областных милицейских начальника в отставке.

Но террористы не пойманы. Крупных преступлений не раскрыто. "Грязные коммерсанты" в ультимативный срок в резиденцию с повинной не

явились. Чтобы не провалить очередную кампанию, чтобы геростратовским скандалом вбить в сознание электората свое имя и набрать новые очки, Лукашенко решился замарать звезды дважды Героя Социалистического Труда Василия Старовойтова. Хроническому победителю, не допущенному в российские регионы, необходимо низложить знаковую фигуру не только Белоруссии, но и СССР — и тем возвыситься и распространиться вширь. Это кайф!

Ночью в "Рассвет" ворвалась моторизованная колонна милиции. Рассредоточилась по изученным заранее адресам: дом Старовойтова, квартиры сына и двух дочерей, контора, банк, гаражи, заводы... Произведены обыски. У Старовойтова нашли стрелковое оружие (разрешение имеется). У зятьев тоже обнаружили то, что стреляет (поскольку разрешений нет, оба задержаны).

Возбуждено уголовное дело по статьям о злоупотреблении служебным положением, о хищениях. Производственные и управленческие объекты "Рассвета" опечатаны. Ревизоры продолжают копать, следователи — искать. Деятельность хозяйства парализована.

По телевидению показали неубранную рассветовскую пшеницу, которая разозлила президента. Девочка с микрофоном гневно комментировала крупные кадры "бесхозяйственности". Хорошо было видно, что колоски пшеницы и головки клевера сбиты дождями в ком, их комбайном сжать невозможно, надо скосить и скормить скоту. Это по-хозяйски, а не по-президентски.

Радио пару раз сообщало, что Старовойтов арестован. Психологическая утка. Опасаясь провокаций, он находится дома. Письменного приказа об увольнении ему не предъявляли. Обвинения — тоже. Состоится ли собрание акционеров, как требует устав ЗАО, он не уверен. У президента свой устав.

Старовойтов сказал мне, что если акционеры позовут, то придет и отчитается. Никакой вины за собой он не чувствует. Однако работать в "новых условиях" не сможет, бороться не будет, потому что бессмысленно.

26 октября 1997 года

Новый закон о печати отменяет право как юридическую категорию. Вводится внесудебное разбирательство в области средств массовой информации. Судить журналистов станет тройка министров — печати, культуры, связи.

Роскошные права заимел госкомитет по печати. Он будет бдительно вести СМИ от рождения до смерти: регистрировать, контролировать, цензуровать, штрафовать, приостанавливать до 12 месяцев, закрывать.

Требуется регистрировать печатную продукцию, выходящую даже единичным экземпляром (раньше регистрации не подлежали издания тиражом до 499 штук). Если гражданин напечатал на машинке (принтере) и без разрешения распространил листовку, рекламку, свадебное приглашение, стенгазету, поздравительную открытку — значит, совершил антигосударственное деяние, подлежащее наказанию по шкале внушительных штрафов. Спаситься можно, если: 1. Писать все от руки, чтобы судья-министр не имел оснований назвать это печатной продукцией. 2. Вообще ничего не писать. Не думать, не шебаршиться. Подчиниться режиму, наладившему тотальный контроль мыслей и чувств гражданина.

Закон набрасывает удавку на оппозиционную прессу, смысл которой — критика официоза, поиск альтернативных вариантов. Сие квалифицируется как злоупотребление свободой массовой информации, ибо порочит высшие лица. Поскольку их честь и достоинство корпоративны — критические оценки извне подпадают под ихний корпоративный суд. Чтобы у журналистов не

осталось иллюзий, парламентарии внесли изменения не только в закон о печати, но и в кодекс об административных правонарушениях.

Два года назад несколько газет лишены полиграфической базы, монополизированной государством, и вынуждены печататься в Вильнюсе. Теперь их тиражу границу не преодолеть. Все носители информации (печатные, аудиовидео и прочие) проверяются на наличие сведений, которые могут причинить вред политическим, экономическим, культурным, нравственным интересам страны, ее руководства и населения.

Иностранные газеты, в том числе, разумеется, российские, смогут попасть в Белоруссию после таможенно-цензурной обработки каждого номера. Российские телеканалы, судя по закону, будут отключены. Потому что понимают честь и достоинство не так, как белорусские властолюбцы.

Закон о печати принимался нижней палатой парламента единодушно, стремительно, полтора часа. В верхней палате, куда закон поступил на утверждение, скорость свертывания прав и свобод человека обычно выше, там рулят личные назначенцы президента. Президент же дал закону лестную оценку, посмеявшись над заявлениями международных журналистских и правозащитных организаций.

Журналисты независимых изданий, протестуя против закона о печати, завязали рты, прощали по минским тротуарам, помитинговали в сквере. И отправились в редакции писать репортажи с петлей на шее. Государственный телекомментатор обозвал их юродивыми, у которых осеннее обострение.

P.S. 30 октября 1997 года

Белорусская сенсация! Верхняя палата парламента вернула в нижнюю закон о печати на доработку. Батяка неожиданно сказал, что в законе есть

"шероховатости". И сенаторы послушались. Отклоняя закон, наговорили кучу правильных слов о свободе печати, о правах человека.

Победа ли это? Вряд ли. Лукашенко понимает, что пара-тройка малотиражных оппозиционных газет ему уже не навредит. А польза от них будет: в любой момент можно продемонстрировать как признак демократии в Белоруссии.

16 ноября 1997 года

В один день арестованы и помещены в изолятор КГБ председатель ЗАО "Рассвет" Василий Старовойтов и министр сельского хозяйства Василий Леонов.

Арест произведен по указанию Лукашенко (в чем тот не постеснялся признаться). Он же предъявил обвинение. Предъявил оное в устно-публицистической форме, под рукоплескания маргинальной группировки ЗАО, куда прибыл поупражняться в оперативной работе. По информации президента, Старовойтов и Леонов занимались махинациями с кредитными деньгами, понастроили себе жилья ("квартира здесь, дворец там"), развалили знаменитый колхоз, ради личного обогащения создали акционерное общество, довели людей до нищеты.

Приговор президента-судьи был окончательным, одобрение зала присяжного электората единодушным. Открытый судебный процесс шел к финишу — оглашению меры наказания. Но опер-прокурор-судья неожиданно огорошил "всенародный суд" сообщением, что следствие продолжается, что надо подождать вскрытия самых страшных преступлений Старовойтова, что первым начал копать в "Рассвете" контролер-депутат Миколуцкий, убитый как раз накануне своего доклада президенту о деяниях старовойтовской "банды".

Прозвучало не что иное, как публичное обвинение Старовойтова в совершении смертоубийственного теракта в Могилеве. Авторитарный суд игнорирует доказательства, он нацелен на поражение так же, как киллер.

Следствие, как доложил президент, продолжается. Значит, под новые обвинения добывается фактура. У 73-летнего больного Старовойтова требуют признаний, давно ли он стал крестным отцом могилевской мафии и что, кроме убийства Миколуцкого, организовал? У его зятёв выбивают показания об исполнении теракта? И стучит исправная бериевская машинка. И клепается протокол-приговор а ля вышинский.

Иначе в Белоруссии — нельзя. Коли президент назначает прокуроров и судей, коли взял в кулак дознание и адвокатуру, то как можно не подтвердить его обвинений! Президентские обвинения — это истина априори. Это — приказ.

Посему приказано: ликвидировать "незаконно созданное" ЗАО "Рассвет"; восстановить колхоз, а в нем — счастливую жизнь; до 1 января 1998 года забрать из "банды" в пользу колхоза все "от трактора до домов."

Свои приказы Лукашенко дополняет угрозами. Под одобрительные выкрики реанимированных колхозников откровенно угрожал журналистам, освещающим рассветовскую историю "тенденциозно", то есть с позиции Права, презумпции невиновности, а не так, как осветил и припечатал опер-прокурор-судья-президент.

P.S. 20 ноября 1997 года

Старовойтову и Леонову органами МВД предъявлены обвинения, дублирующие президента, — совершение хищений в особо крупных размерах. Процесс разворачивается молниеносно. Громкое дело не ждет.

В городе Каменце открыт бюст второго белорусского дважды Героя. По указу президента в бронзе увековечен предколхоза Владимир Бедуля. Сенатор, окаменело смотрящий в рот тому президенту.

30 ноября 1997 года

Закрыта "Свабода" — главная газета белорусской оппозиции. Светлое окошко гласности в стране.

Газета выходила с 1990 года три раза в неделю тиражом 30-90 тысяч. Отличалась широкой тематикой — культура, экономика, политика, жизнь. Ее непреходящая пикировка с властями выдавала не патологию, а достоинство. "Свабодная" информация была по-журналистски острой, но качественной, без желтизны, без истерики. И часто цитировалась президентом, шефом МИДа, коммунистами. Цитировалась с ненавистью.

"Свабоду" закрыл ... хозяйственный суд. Хватило пятнадцати минут! Не было разбирательства по сути дела, соревнования сторон. Не осталось вразумительного протокола заседания, таковой в хозсуде не ведется. На упрощенную процедуру, игнорирующую аргументы, и был рассчитан иск госкомитета по печати, основанный на его же письмах в редакцию.

Одно из них: "В статье ... проводится параллель между событиями 1937 г. и нашего времени. Статья направлена на запугивание граждан Республики Беларусь "репрессиями", что свидетельствует о намерении автора разжечь социальную вражду в обществе, а также между обществом и властью."

Формулировочка называется "предупреждение о нарушении закона о печати." Государственный чиновник не утруждает себя доказательствами. Он обеспечивает идеологическое прикрытие режима, приставившего его к СМИ в качестве управляющего, цензора, судьи. "Предупреждение" — есть приговор.

Для упразднения издания требуется аж два приговора, но это очень просто, их сочиняют десятками. Маленькая досада — суд. Чтобы упростить процесс ликвидации, комитет по печати вбросил в парламент мыслишку о ... ненужности суда. Депутаты подхватили. Сейчас они шлифуют законодательный пункт. Хотя жизнь уже обогнала.

Прецедент со "Свабодой" создал практику: чтобы убрать неуютную газету, достаточно политического иска-доноса. Прочие редакторы переполошились, бесцеремонному выпадку властей дают обтекаемые оценки. Европа в лице А.Фишер высказалась резко, недвусмысленно. Представители европейских СМИ выступили с заявлением, озаглавленным "Запрещение газеты — это преступление."

Заккрытие "Свабоды" — наглядный пример, как действует и побеждает конституция, принятая год назад референдумом. Лукашенко как-то обронил, что все власти растут из "президентского ствола." Поэтический образ закреплён конституционно. Президент назначает в государстве депутатов, судей, прокуроров, сыщиков, губернаторов, министров, редакторов... Сращивает своим единоначалом законодательную, исполнительную, судебную, "четвертую" (СМИ) власти.

На "президентском стволе" кустится многоглавый спрут, который перемалывает тех, кто живет в ином ритме. Чем не мясорубка образца 1937-го?

Цифру "1937" белорусский спрут понимает. "Народная газета" (парламентское издание с президентским назначенцем во главе) в шести номерах напечатала исследование профессора истории А.Залесского. Вслед за ним мы должны понять, что в СССР "существовала историческая необходимость и оправданность большого количества репрессий", которые были "вполне юридически обоснованные".

Спрут разрастается, заполняет собой пространство, время, память, разум, совесть. Вытесняет из Белоруссии кислород. В белорусском вакууме действуют чудовища: "параллели" с 1937-ым они считают преступлением, а сам 1937-ой вставили в закон, в мораль, в цивилизацию.

Прокуратура постановила вновь рыть куропатские могилы, где нашли успокоение жертвы сталинской мясорубки. Рыть с целью доказать, что в печально известных всему миру Куропатах археолог З.Позняк десять лет назад нашел не кости 1937-го, а "другие".

В Куропатах закапывают правду. Чтобы о могильщиках последовал молчок, удушили "Свабоду".

Без "Свабоды" — темно. Белоруссия ничего не видит, не знает: об отце четверых детей, голодающем в сизо в знак протеста против закрытия газеты; о девушке, тайно убежавшей из страны и попросившей политического убежища в Финляндии; о школьнике, три месяца томящемся в тюрьме за антипрезидентские надписи на заборе и стене; о непокорном председателе, дважды героя В.Старовойтове, которого в застенках КГБ допрашивают по ночам...

23 декабря 1997 года

Состоялось собрание акционеров "Рассвета". Под бдительным оком чиновников президентской администрации и Могилевского облисполкома рассветовцы единогласно проголосовали за возвращение в колхоз. Мнение народа совпало с пожеланием президента.

Председателем колхоза "Рассвет" избран Валерий Иванов, никому не известный начальник управления сельского хозяйства Круглянского райисполкома. Чем-то приглянулся президенту — и получил лакомый кусок. В первом своем интервью новый председатель заявил, что без помощи

государства колхоз не выйдет на прежний уровень. В этом суть произошедшего: требовалось ликвидировать акционерное общество, посмевшее выскользнуть из-под государственного гнета, вернуть крестьянина в колхоз, держать в тисках, в послушании.

За освобождение Василия Старовойтова от обязанностей председателя совета акционеров проголосовали всего 14 человек из 1549 присутствовавших на собрании.

Он слишком далеко забежал вперед, этот Старовойтов. Он обогнал и властей, и народ. Оторвался от реалий постсоветского общества, не способного к самосовершенствованию.

Василий Старовойтов — в следственном изоляторе КГБ. Информации оттуда никакой. Генеральный прокурор О.Бажелко лишь подтвердил, что Старовойтову по-прежнему инкриминируется хищение в особо крупных размерах и что уже имеется достаточно улик и доказательств его вины. Для окончательного расследования понадобится еще три месяца.